

[Polaris]

Б. ЛИПАТОВ, И. КЕЛЛЕР

ВУЛКАН В КАРМАНЕ

Советская авантюрно — фантастическая проза
1920 — х гг.

Том XIII

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CLXXXIV

Salamandra P.V.V.

**БОРИС ЛИПАТОВ
ИОСИФ КЕЛЛЕР**

ВУЛКАН В КАРМАНЕ

Советская авантюрно-фантастическая
проза 1920-х гг.

Том XIII

Salamandra P.V.V.

Липатов Б. В., Келлер И. И.

Вулкан в кармане. Илл. А. Зубова (Советская авантюрно-фантастическая проза 1920-х гг. Том XIII). — Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. — 158 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CLXXXIV).

«Вулкан в кармане» Б. Липатова и И. Келлера — классическое произведение литературы «красного Пинкертона». Советский полпред-шпион Фокин, его подруга-белоэмигрантка, сыщики Штрук и Шерлок Пинкертона, иностранные банкиры и опереточные африканские дикари заняты поисками небывалой взрывчатки, попутно предоставляя авторам возможность вдоволь развлечься.

© Authors, estate, 2016

© Salamandra P.V.V., оформление, 2016

Б. ЛИПАТОВ, И. КЕЛЛЕР.

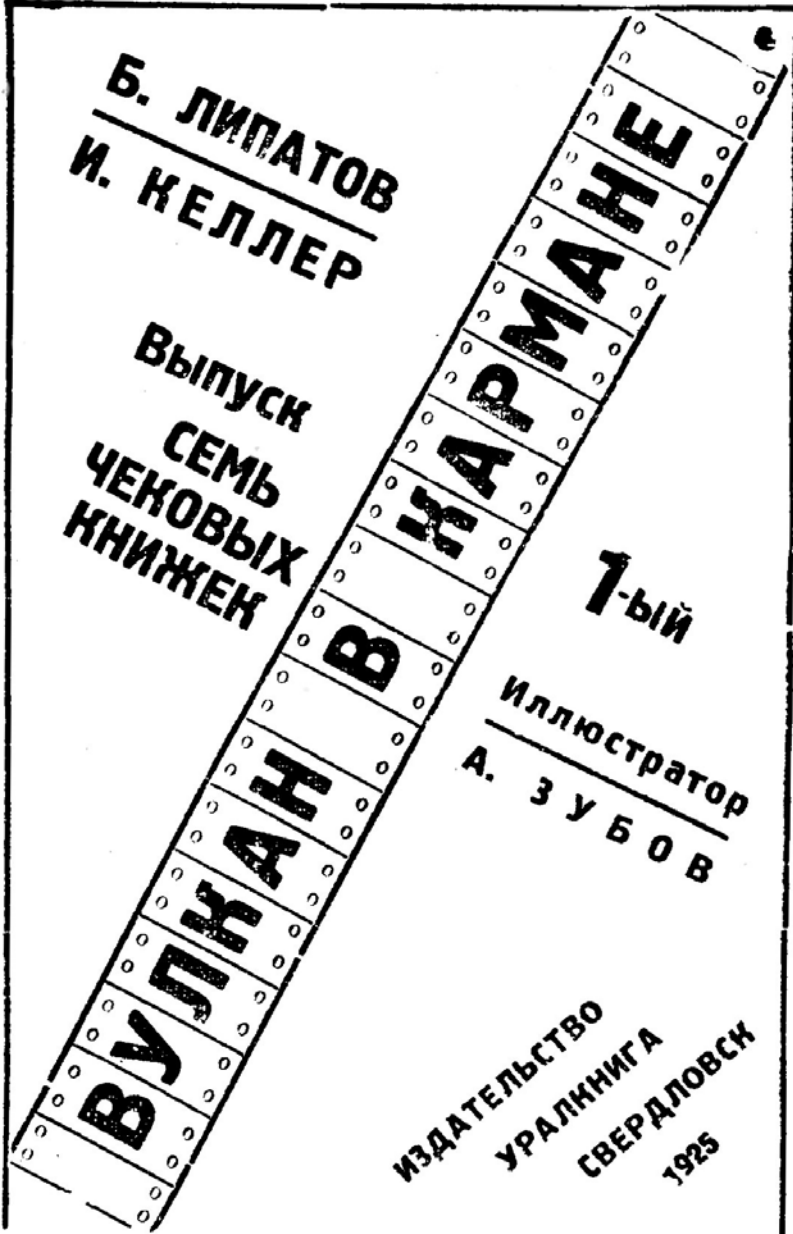
В УКАН В КАРМАН Е

В УРАКНИКА СОЗДАЮЩИХ
1925

Б. ЛИПАТОВ
И. КЕЛЛЕР

**Выпуск
СЕМЬ
ЧЕКОВЫХ
КНИЖЕК**

1-ый

Иллюстратор
А. ЗУБОВ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
УРАЛКНИГА
СВЕРДЛОВСК
1925**

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ПРОФЕССОРОМ ПРЯНИКОМ

— Почему здесь так воняет? Я спрашиваю, почему здесь так воняет?

— Не могу знать, господин профессор, — лепетал сотрудник лаборатории, беря зонтик из рук рассерженного лысого человечка.

Каждый раз —

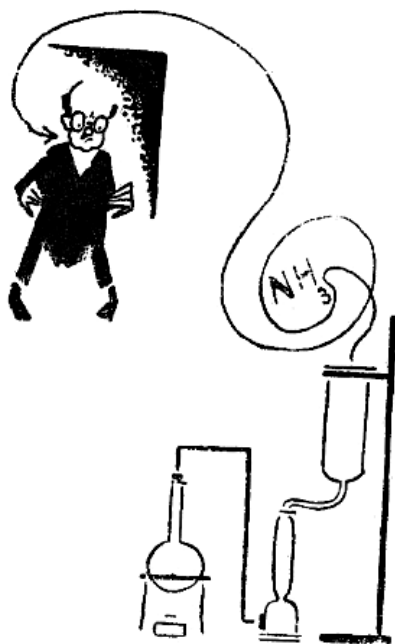
ПРОФЕССОР ТАДЕУШ ПРЯНИК —

придирался к чему-нибудь при входе в лабораторию. На этот раз оказалось, что Пряник забыл закрыть накануне сосуд с аммиачным соединением, и в просторной лаборатории нещадно пахло клозетом... Две минуты работы электрических вентиляторов — и воздух в лаборатории, снова был свеж и прохладен.

Маленький человечек снял выцветший сюртук, надел халат и, заложив руки за спину, начал ходить из угла в угол. Помаячив часа два, он подошел к доске, набросал химическую формулу, выругался, стер, снова написал и, поминутно глядя на доску, стал гроыхать посудой, переливая жидкость и то и дело подсыпая разные кристаллы; над колбой вдруг показался клуб коричневого дыма; профессор зажал пальцем нос, опрометью бросился к шкафу и торопливо нацепил предохранительную маску... Тем временем клубы рассеялись, и профессор осторожно стал подходить к оставленной колбе; убедившись, что на ее стенках появился какой-то желтоватый налет в виде мелких брызг, Пряник отошел в дальний угол и, достав из сюртука рогатку, стал дробинками стрелять в колбу. Едва одна из дробинок ударилась о стеклянную стенку, как колба с шумом взорвалась и с лабораторного стола во все стороны полетели пробирки и склян-

ки...

При виде этого разрушения, Пряник скинул маску и, радостно приплясывая, подошел к доске, которую украсил еще цепью формул...

«Почему здесь так воняет?»

В дверь лаборатории просунул голову ассистент профессора. (Для краткости: блондин, 27 лет, по рождению немец, контужен на войне, красивый; полное имя — Оскар-Амадей-Витольд-Мария-Генрих-фон-Штралелломменау, более кратко: Оскар фон-Менау). Кстати будет добавить, что профессор Тадеуш Пряник — чех; вышеописанное действие происходит в его пражской лаборатории, а произошедший маленький взрыв — причина целой серии передрыг для многих стран обоих полушарий, лиц обоего пола и звания.

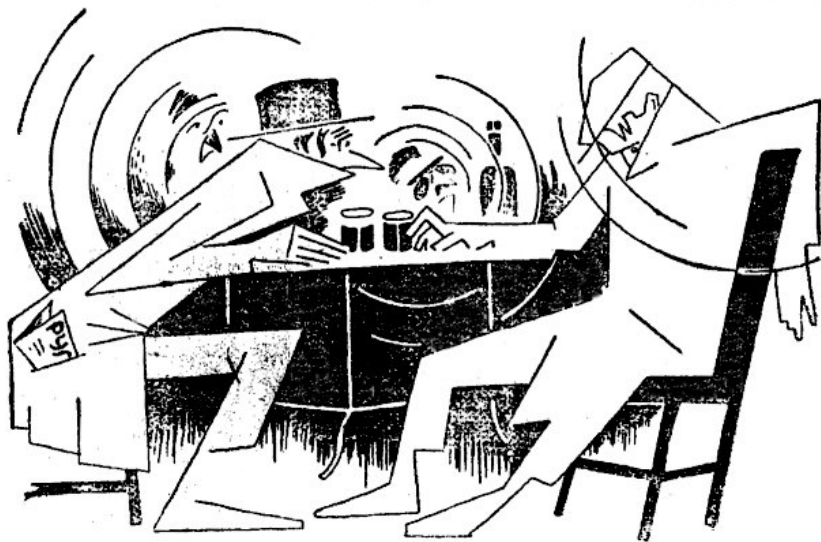
ЭСЭРЫ В КАБАЧКЕ «ЧЕРНЫЙ ПЕТЕР»

Сергей Званцев бросил под стол скомканный «Руль» и, громко выругавшись, опрокинул в горло кружку черного пива.

— Ты с чего вдруг? — сонно спросил его сосед, бывший террорист.

Званцев разжег трубку, откашлялся и начал:

— Идеологическая платформа Милюкова, базируясь в конкретизируемых предпосылках аграрных схем массово-

Эсэры в кабачке.

го производства, встречает сочувственный отклик всех синтетически построенных проблем новейших экономических постулатов, имеющих конечную цель свержения советской власти, созыв учредительного, без вхождения эсэров; я не позволю!!!

Террорист одобрительно кивнул головой...

— Да, ты прав, Званцев! Только в изыскании средств борьбы, предоставленного в руки могущественнейшего государства...

(Часы пробили восемь).

— ...взрыв Кремля со всеми, засевшими в нем...

(На часах четверть девятого; Званцев зевнул).

— ...что Красная армия? Вздор! Каменев? Мальчишка, которого...

(Часы пробили девять. В кабачек вошел

ОСКАР ФОН-МЕНАУ.

— ...солнце свободы! О, родина! Земля и воля!

(Часы — редкое прилежание — десять часов. Оскар, затуманенный седьмой кружкой, начал лепетать что-то...)

— Постой, — дернул Званцев за рукав расхившегося приятеля, — брось!... ты не на митинге!.. Послушай, что этот немец лепечет!

Оскар бормотал: — О, мы расшибем все! Зачем дредноуты! Для чего пушки!.. Ик!.. Все разнесем!.. Ик!..

Эсэры, втянув головы в плечи, внимательно слушали пьяную болтовню Оскара...

.

ВЫГОДНЫЕ ОПЕРАЦИИ ПОПАНДОПУЛО

Утром Сергей Званцев, нарядившись в единственный приличный костюм, отправился в Бюро Частного Розыска

ПОНАИОТИ ПОПАНДОПУЛО.

— Чем могу служить?

— Вы — господин Попандопуло...

— Да... Я — Понаиоти Попандопуло...

— У меня дело... Секретное дело...

— Ай, мне надоели ваши секретные дела! Каждый день бегают русские эмигранты и предлагают: «Сколько угодно коммунистических заговоров»... Молодой человек! Пришли плохие времена для нашего брата... Конкуренция!.. Конкуренция!.. Сам Керзон мастерит фальшивые письма! Керзон!.. Идите в другое место предлагать секретное дело... До свиданья!..

— Я повторяю, господин Попандопуло, — дело перво-степенной важности... Вчера случайно подслушан мной разговор в кабачке «Черный Петер»... Некий доктор довольно пространно объяснял изобретение своего патрона — колоссальной разрушительной силы... Небольшое количество и —трах-тара-рах... — пустое место!

— Имя?

— Деньги!..

— Сколько?

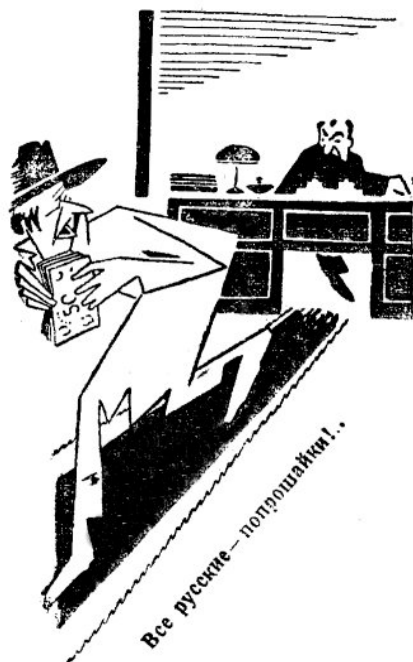
— 500 долларов...

— 200!.. Получайте деньги и называйте имя...

— Ладно... Профессор Пряник... Его изобретение пока не имеет названия, но подготовительные опыты подтверждают разрушительную силу открытого вещества...

— Значит, профессор Пряник?

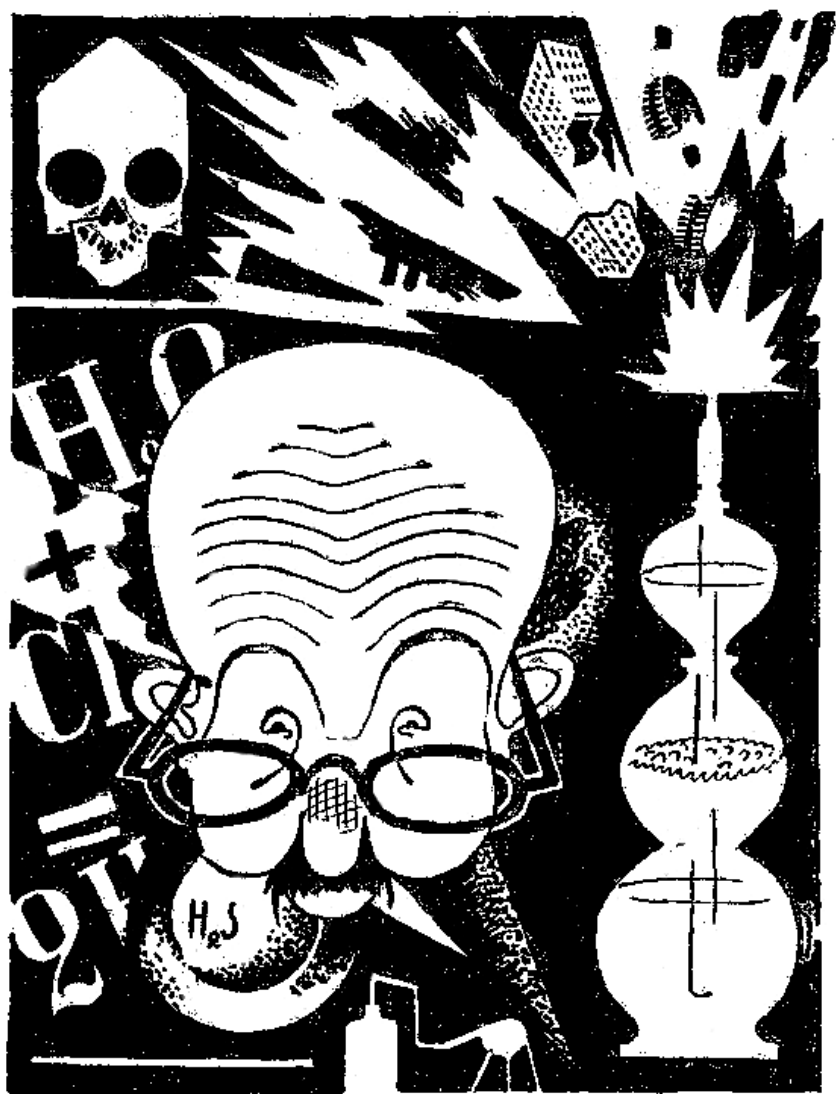
— Да... Может быть, прибавите еще десяточку?!.

- И не стыдно попрошайничать, молодой человек!!.
Убирайтесь к чорту!
— У-у! Греческая образина...
— Во-о-о-н!!!
-

Через час Попандопуло у телефона бил себя в грудь, божился и надрывно кричал в трубку:

— Разве я вас хоть раз обманул, мистер Бок?!. Все мои новости из первых рук... можно сказать, необычайной свежести!. Хи-хи!.. Ну, что вы?!. 500 долларов, разве это для вас деньги, если речь идет об изобретении, которое усилит мощь Америки... Вашего отечества!!.. Нет, нет, 500 долларов и не меньше!.. У меня старая фирма, а не толкучий

Профессор Пряник.

рынок. Я!.. Согласны?.. Ну, вот и прекрасно!.. Сейчас еду к вам и называю фамилию изобретателя... Значит, мистер Бок, 500 долларов!.. Еду!.. Еду!..

Выйдя из особняка американского консула, довольный Попандопуло забежал в кабинку городского автоматического телефона...

— У телефона сэр Бэканен?.. Да, я — Попандонуло... Сенсационная новость!.. И всего за 500 долларов... Зачем торговаться?! Разве я хоть раз обманул ваше доверие?.. У меня старая фирма, а не толкучий рынок... А потом, сэр Бэканен, разве можно говорить о каких-то паршивых долларах, когда речь идет об изобретении, которое усилит мощь Великобритании?! Вашего отечества!! Согласны?.. Ну, вот и прекрасно! Сейчас еду к вам и называю фамилию изобретателя... Значит, сэр Бэканен, 500 долларов?.. Еду!.. Еду!..

Было поздно, когда усталый Попандопуло, одев теплый халат и уничтожив ужин, курил душистую сигару...

— Хороший день... Чистых 800 долларов... Молодец Попаиоти!.. Молодец!..

Вошел лакей.

— Ну, что еще?

— Вас спрашивает какой-то господин.

— В это время?.. А он хорошо одет?

— Да...

— Ну, тогда проси...

Попандопуло неохотно поднялся навстречу незнакомцу — черному и кудлатому...

— Чем могу служить?..

— Барон Риго-Дея-Манийло...

— Очень приятно...

— Пойдите, я еще не кончил!!.. Барон Риго-Дея-Манн-Грайвер-Зудермакко.

— Все?

— Все.

— Очень приятно!

— Я случайно узнал, что вы знаете фамилию некоего изобретателя... Интересы моей родины заставили меня в это позднее время приехать к вам...

— А какая такая ваша родина?..

— Парагвай, господин Попандоуло...

— Парагвай?.. Не слышал что-то...

— О!.. Ведь вы так заняты, господин Попандоуло.

— А вы как: — сейчас платить будете или в рассрочку?

— Если позволите, в три приема... Знаете, нужды государства так велики... так велики...

Попандоуло посмотрел на часы, вспомнил о 500 долларах мистера Бока и сэра Бэканен, об авторитете своей фирмы и благосклонно изволил выпустить вместе с душистым дымом:

— Ладно!.. 50 долларов...

— Господин Попандоуло!!.. 30 долларов...

— У меня старая фирма, а не толкучий рынок, барон!.

— Получите пока 15 долларов, господин Попандоуло.

— А они настоящие?

— Что вы?!.

— Хорошо... Хорошо... Профессор Пряник. Запомните — профессор Пряник!.

ГАЗЕТЫ! КОМУ ГАЗЕТЫ?

— Газеты! Последний выпуск «Дейче-Алльгемейне-Цейтунг!» «Форвертс»!

Возгласы с 8 утра до 2-х на одном из перекрестков центра Берлина.

Газетчик — высокий старик с военной выправкой и голосом, обдающим прохожих своей повелительной интонацией.

...—Ах, князь! М-да...

Но зато, получая грошевую лепту за номер, этот важный старик щелкает каблуками и, приложив палец к козырьку залосненной фуражки, благодарит покупателя.

— Как здоровье, ваше превосходительство? — вдруг задал вопрос газетчику по-русски какой-то заливной старикан с папиросным лотком на груди.

Газетчик повернулся.

Что-то в роде румянца вылезло на его впалые щеки.

— Ах, князь! М-да... Вы.. хм!.. Ничего!.. Вы...

— Да, да... — отводя глаза в сторону, качал головой князь, продававший папиросы. — Каждый почти день!.. Да, генерал! — повернув сморщенное личико к смущенному газетчику, бормотал он. — Вчера встретил Чудакова, помните, наш предводитель дворянства, — шнурки для ботинок, крем и там всякие гадости... Каргаполов, тоже из генерального штаба... Да вы не плачьте, милый!!.

Генерал дергал плечами и отмахивался от него.

— Уйдите!., тяжело... князь!.. Проклятые!!.. проклятые!!.
У-хо-ди-те!! — простонал он.

— Да, да... — засеменил прочь князь, — этаких немного чувствительных! Вон Чудаков, — тот со шнурками даже потолстел... Эх!.. Пап-пирос!!.

О-О-О! ОХ-ХО-ХО!..

Да, теперь, не поняв новых переживаний родины и цепляясь за какие-то белые иллюзии, помытарствовав и поочередно предав проклятию Колчака, Деникина, поляков, Врангеля и этого мерзавца Савинкова, который — на-те! — какую штуку выкинул! — генерал выкликал на перекрестке «Дейтче Цейтунг», «Форвертс» и если у него, как, например, теперь, будет все больше и больше оставаться непроданных номеров, то, пожалуй, недалеко дни, когда в его сумке окажутся листы коммунистического «Роте Фане».

Коммунистическая газета в его сумке! но что делать, если ее все чаще и чаще начинают спрашивать у старика...

— Ох, уж эти коммунисты! Думал ли он раньше, что в этом самом Берлине, где он останавливался когда-то на пару дней, проезжая на курорт, ему придется торговать газетами, а князь Сычугов будет спрашивать, как его делишки...

— О...

А Леля, милая... Какие-то вышивки!.. а теперь сидит дома после того, как жирная шиберша выгнала ее за недоконченное во-время шитье, назвав «русской потаскушкой»!

Бедная! И генерал высчитывает немногие гроши, которые он сможет передать дочери, чтобы она на коптящем примусе приготовила жалкую похлебку...

ОГРОМНЫЕ ГЛАЗА

Когда

ФОКИН

(Фокин, Семен. Партбилет № 6834) вошел в приемную Полпредства, сразу плотное кольцо потных лиц обхватило и сжало. Оглушили нервным потоком слов, забрызгали слюной и старались цепкими руками покрепче уцепиться за серый фокинский френч.

— Граждане! Главное — очередь. Кто первый?

— Я!!.. Расинский... Литератор. Несколько книг!.. захотелось русских просторов, бубенцов!.. Раскаиваюсь за статьишки грязные... не понимал!.. Теперь... чувствую коммуну. Разрешите вернуться!

Фокин вглядывается в серое лицо, с бегающими глазами, упавшими куда-то далеко-далеко. А уже сбоку настойчиво густой бас залезал в уши и мешал слушать лирический лепет литератора.

— Эсэр. Террорист.. Рожак-Рожовский! Письмо Савинкова... вот новый этап крестного пути революционера. Предлагаю собой заменить Савинкова в тюремной камере. А пусть он работает на пользу...

— Господин..., т.-е. гражданин!. Я...тож...

Фокину в потном кольце душно. Едва успевает принимать заявления.

Вдруг — падение тяжелого; кольцо разорвалось... На полу — женщина... Бросились поднимать.

— Воды!!.. Где вода?..

— С голоду, должно-быть.. Эх, жизнь наша!.

Фокин наклонился над восковым лицом.

— Вам лучше?

— Да.. спасибо!.. Это просто так... со мной бывает...

Фокин видит перед собой глаза — огромные глаза, а на дне зрачков — нежность... Фокину неловко.

Уже на улице, опираясь на руку Фокина,

ЛЕЛЯ

(Фокин это имя произносил осторожно) долго говорила, часто прикладывая платок к глазам (огромные глаза, а на дне зрачков — нежность) о тяжелой жизни, газетах отца, похлебке и России, далекой России...

А мимо неслись, перегоняя друг друга, авто и трамваи и, заглушая истеричный всхлип рожков, — дребезжал старческий голос (Леля насторожилась — может быть отцовский?!).

— «Дейче-Альгемейне-Цейтунг»! «Форвертс»! «Форвертс»!..

ПРЯНИКОМ НАЧИНАЮТ ИНТЕРЕСОВАТЬСЯ

Огромная зала... Откуда-то льется нежный голубой свет... В мягких креслах — десять человек, на круглом столе — десять рюмок и пять бутылок. Тихо.

Десять человек следят часовую стрелку.

«Только-что получено сообщение».

И когда черная доползла до без четверти два, из трубки радиотелефона побежали взволнованные слова главного секретаря:

— Только-что получено сообщение от м-ра Бока о изобретении чеха Пряника. Взрывчатое вещество сказочной силы!! Жду инструкций (трубка захрипела)...

Десять человек выпили десять рюмок и переглянулись.

— Вещество должно быть нашим?

— Оль-райт!

— Мистер Докс, рапорядитесь!

Мистер Докс торжественно повернул рычажок и медленно произнес:

— Правление банка «Джон Пьерпонт Морган Компани» предлагает немедленно известному сыщику Шерлок-Пинкертону выехать в Прагу, получив личные инструкции у главного секретаря.

— Оль-райт.

Десять человек выпили десять рюмок и поудобнее ушли в кресла.

ЗУЛУМБА

До этих дней автобиография Зулумбы проста: шалаш отца, пальмы и протяжные песни матери; пароходный трюм — душный и вонючий; улицы, мощеные булыжником, тяжесть подкованных ботинок, туго набитого ранца и винтовки; огромный плац казармы, ругательства унтера, прикосновения руки его к черным щекам, узкий, жижой кровавистой залитый окоп, атаки, похожие одна на другую, рана, тягостный плен и, наконец, мир.

Мир! Раньше Зулумба знал: ему белые дают кушать, а он должен убивать. Просто!

Теперь — мир. Убивать нельзя, а кушать нужно.

Зулумба бродил по Берлину и жадно думал о солдатской каше и соленых галетах. Вот и сегодня — Зулумба застыл у ресторана, втягивая сладостный аромат затейливых блюд. От запаха пицци голова кружилась и тошнотой заливало рот...

Из ресторана толстый, лоснящийся комочек вылетел, катясь к лакированному авто.

ЗУЛУМБА

решительно протянутой ладонью перерезал путь упитанной физиономии.

— Хлеба!

— Негр! Настоящий негр!!.. Что?.. Хлеба? Будет, дружище... ну-ка, лезь в авто! Живо!!.. Негр!.. Чорт возьми, негр!!.

Голодного Зулумбу укачивает в шелком обитой кабине, а рядом довольно сосет сигару импрессарио «Джаз-Бандов» и «Экзотических балетов» —

САМУИЛ РАЦКЕР.

С этого дня Зулумба, подгоняемый виртуозной руганью Рацкера и страхом опять очутиться на улице, — учится танцевать негритянские танцы. Давно-давно, когда луна выкатывалась из необъятного мешка ночи, Зулумба танцевал у костра вместе с другими голыми мальчишками; танцы были приятные и от них сила разливалась по потному телу, но Рацкер требовал от Зулумбы «африканского темперамента», и Зулумба послушно выпячивал живот и, поднимаясь на цыпочки, вилял бедрами.

Первое выступление прошло блестяще.

Когда голый Зулумба раскачивался на тесной эстраде — декольтированные дамы млели за столиками, а залитые жиром «шибера» весело гоготали, следя дрыгающиеся бедра Зулумбы.

— Браво!.. Бис! Бис!

Рацкер потирал руки, высчитывая, сколько плотных долладов принесет ему «эта черная обезьяна».

— Зулумба! Браво!.. Бис!..

— Зулумба!.. А-а-а!!.

ДЕЛОВОЙ ДЕНЬ ШТРУКА

— Позвольте!

— Сударь, вы пришли позже!!.

— Тише! Вы мешаете работать!.. Кто из вас мистер Тропс? Очень приятно. Пожалуйте за мной!

Так начинается деловой день Паркера Штрука — Бюро Частного Сыска (Лондон, Бекер Стрит, 81).

Мистер Тропс, поправляя воротник — за секретарем по длинному коридору; у дверей секретарь замер и нежно-нежно прикоснулся несколько раз пальцем к полированной поверхности. В небольшом квадрате выскочило «Войдите» и мистер Тропс проскользнул в кабинет.

За письменным столом необъятных размеров, заваленным кипой папок, — гроза уголовного мира —

ПАРКЕР ШТРУК.

— Мистер Тропс? Чиновник министерства иностранных дел?

— Да, Мистер Тропс...

— Слушаю!

— Нами получено сообщение от сэра Бэканена об изобретении Тадеуша Пряника. Вы, конечно, понимаете, что интересы Великобритании...

— Одним словом, вы хотите иметь изобретение этого чеха?

— Совершенно верно! Зная ваши исключительные способности (мистер Штрук снисходительно улыбнулся), меня попросили передать вам предложение министерства взять на себя миссию трудную, но выполнимую, — добыть это исключительное изобретение. Конечно, о вознаграждении говорить не приходится... Эта чековая книжка к вашим услугам!

Когда мистер Тропс, несколько раз поклонившись, осторожно унес себя из кабинета, Штрук нажал небольшой рычажок и взял трубку домашнего телефона.

— Секретариат? Немедленно скажите, сколько мы имеем претендентов на изобретение Пряника?.. Семерых?.. Так, так!.. Немедленно отправить трех лучших агентов навести справки...

И погладив чековую книжку, Штрук решил тоже выехать сегодня же.

— Семь чековых книжек! Это недурно! Молодец Пряник! Но все-таки кому же я буду доставать изобретенные газы?.. Семь претендентов!! О! Об этом рано думать. Сначала нужно достать, а потом... потом... кто больше заплатит. Итак, — в Прагу!

И Штрук, заперев Бюро и расовав книжки по карманам, весело насвистывая, вышел из кабинета.

О «ВЕЗУВИАНЕ»

Оскар пьет сельтерскую и поминутно смотрит на опухшую с похмелья физиономию, заполнившую квадрат зеркала.

— Эх, здорово же крепкое пиво в этом кабачке! «Черный Петер» не зря-таки славится своим замечательным пивом. Что и говорить, хорошее пиво. Только вот... Ах, как глупо в общем!..

Оскар глотает еще стакан газированной водицы и еще раз смотрит укоризненно на свое отражение.

— Что это? Какие-то люди, о чем-то говорили, что-то предлагали... Чокались... Вздор!!.. Какие там террористы!.. У него после пива собственная революция в голове, а он думал, что у него крепкая, надежная немецкая голова... А, будь проклята эта контузия!.. Проклятая война! Проклятый кайзер! Проигрался, а теперь живет припеваючи в Голландии, наверное, тюльпаны сажает... Русские куда резоннее; ихний император тоже цветочки весьма долюбивал, а его вместе с привязанностью к цветам взяли и израсходовали... Не проболтался ли он?.. Нет, нет!.. Драться, правда, хотелось... Да с кем? Те, которые около вертелись, какие-то щуплые, впрямь как русские эсэры... Ха-ха-ха!!.. Честное слово, замечательный этот кабачек «Черный Петер». Какое пиво, какое дивное пиво!.. Но не проговорился ли я?.. Нет, кажется, я ничего не говорил... Ничего лишнего...

К вечеру цепкий хмель из молодой головы вылез украдкой... Оскар бледный, дрожащими руками повязывает галстук, собираясь к профессору.

— Кутить — одно, а свои обязанности он должен помнить твердо! Хорошая немецкая кровь — очень аккуратная кровь...

Холодный воздух и лужи. Неприветливые сумерки обволокли тощую, огромными шагами мчавшуюся по блестящему асфальту фигуру...

— Как далеко, однако, живет герр профессор Пряник!

— Вы понимаете, Оскар, соли гафния.... нового элемента, открытого теми двумя датчанами в прошлом году... как их там... ну, да ладно! Чудаки! Открыли и положили в ящик. А какие силы в этом веществе!.. Будьте внимательны, мой молодой друг.

— Я слушаю, герр профессор.

— Сигару?..

— Благодарю.

— Ну вот! Мы сидим вот тут в мягких креслах, за окнами дождь и парламентские склоки, разные русские оккупации и выступления новых артистов, мобилизации и коммунистические манифесты... Хи-хи-хи!.. А вот мы сидим, посиживаем и подумываем, как бы этих чудаков взять да сложить пополам и в карман!.. Хи-хи-хи!.. Не правда-ли, я — почти поэт, господин фон-Менау? Почти поэт!..

— Совершенно верно, герр профессор! Вы положительно поэт! Одной рукой держать узду смерти и разрушения, а другой, так сказать, импровизировать!.. Что? что я сказал? Ах, да — бряцать на струнах, как ее... этой самой... поэзии!..

— Ловко! К чему комплименты, господин Оскар?.. Бросьте... Я право, так. Я даже и не умею говорить... Лучше ближе к делу!

— Я слушаю вас, герр профессор!

— Так вот... за окнами дожди и русские окку... Тьфу! Почему это у вас такой вид, Оскар?

— Хм.. М-да... Кхе!.. Нездоров!.. Голова и нервы распались чуть-чуть... Ах, нет, что вы, что вы!!.. Моя квартирная хозяйка оставила мне к ужину порцию горячего глинтвейна... Но, конечно, больше от нервов!..

«Будьте внимательны мой друг! »

— Я вас!.. Квартирную хозяйку тоже!!.. — лукаво погрозил пальцем профессор Пряник.

Оскар, не в обиду ему, заржал весьма громогласно, стараясь отогнать смутное беспокойство относительно вчерашних приключений в кабачке.

Пряник опять затеял скучный разговор...

— Тот раз, Оскар, я долго думал над возможностью утилизации в военных целях трех-хлористого азота. Соедине-

ние это, правда, как вам известно, весьма взрывчато, но неудобно ни в смысле транспорта, ни к обращению. Взрыв его возможен при простых звуках... Вам скучно. Нет? Я продолжаю... Вот, до зрелых лет дожил, а не могу даже со специалистом начать говорить без азбуки!.. Привычка! Вот на моей первой кафедре в Львове был такой случай... Ах, я опять чуть-было в болтовню не ударился!.. О чем, бишь, я?.. Ага! Трех-хлористый азот... Пренеприятная штука!.. Да, да... Я взял другое... правда, штуку весьма ехидную, трех-азотистый водород... Но, ведь, разве этим достигнешь тех великолепных взрывов, какие я могу получить и производить направо и налево? Тут-то они и замешаны, эти замечательные соли гафния! Я их соединяю с трехазотным водородом... Шипение... Бб-умм! Все к чорту!! Хотите — дом, хотите — город... Монблан! Эльбрус! К чорту Монблан! Все сотру, все разорву!.. Задушу! Искромсаю! Это — чудо! Этна! Везувий! Сто Везувиев! Ах, Оскар, дайте мне ту коробочку с мятными лепешками... Благодарю. Мням-ням-ням... А вы, о мой Оскар, мой драгоценнейший ученик, мы будем вместе нянчить мое детище... Как мы его назовем? Как? Да- да.. Я придумал! Везувиан! Что? Здорово?..

— Шикарно, герр профессор. Поэтично!..

— А ведь верно шикарно!

(Пряник — в позу).

— Эй, рота! Угости-ка противника несколькими фунтами везувиана профессора Пряника! Вы, Оскар, представляете, как замечательна будет команда? Специальная команда: «Эй, везувиана профессора Пряника!». Пли!!.. Бб-умм! Земля трещит, люди — в клочья!.. Ни лошадей, ни орудий!.. Деревня к чорту! Монблан к чорту! К дьяволу! В ад, в пекло!!..

— Хох! Хох! Хох! — гаркнул Оскар.

— Шик! Шик! Шик! Ззамечательно! Б-у-мм! Уф, какая прекрасная картина!.. Оскар, передайте мне мятную лепешечку...

— Пожалуйста, герр профессор...

— Мням-ням-ням... Везувиан профессора Пряника!.. Ах!!..

ШТРУК НА ОХОТЕ

Штрук протелефонировал слуге, костюмеру и парикмахеру и одновременно выписал по чеку из каждой из предоставленных ему книжек.

Нажал кнопку, и почтительной лысине секретаря бросил:

— Через двадцать минут, — и чтобы все в долларах. Билет транзитный на Прагу...

И в купэ вагона баюкающего пружинами Пульмана о новом творении Конан-Дойля, ему, Паркеру Штруку, королю сыска посвященному, крепко загрезил, всхрапывая...

Для каждого нового вагона особая борода и костюм. Конспирация прежде всего. Чемоданчик и пару саквояжей из глаз ни на секунду...

— Газеты... свежие газеты!!.

В окно горластый мальчишка.

Паркер монету за раму и — в пахнувшие краской листы с каплями сентябрьского дождя:

«Савинков обменялся письмом с Философовым...» А! Интересно, как это все-же поставлен сыск у большевистской чеки... Хорошо бы туда, законспирировавшись... Савинков что!.. сапожник!..

«Китайцы!.. Хм!.. Если Штрук быстро кончит с этим профессором (О! Он не сомневается. С семью-то чековыми книжками!..), то ясно — получит немедленно поручения в далекий авантюрный Китай... Значит — война! Аф!.. (Зевнул). Любопытно, любопытно, как они поколачивают друг друга!.. Мням-ням... Все-таки там удобные кусочки...

«Таинственное убийство в Болгарии...»

«Ах, эти экзотические болгары! Новое убийство! Предложить услуги? Нет, ничего не заплатят, черти, как ни старайся...»

— А? Что? Граница? Ах, да... — и Паркер сон тяжелый стряхнул и начал копаться в бумажнике.

Наконец, авто, хрустя по мокрому асфальту, багаж сыщика и его собственную персону к элегантной гостинице шумной, живой Праги.

Гостиница была на широкую ногу и вполне модной, т.-е. камеристки были родовитыми русскими баронессами (по меньшей мере) и так далее (злые языки говорили, что швейцар был великим князем!)... Ну, ладно! Ванна, завтрак, ароматная сигара и глубокое кресло.

Паркер изумительно расставляет сети, его планы... Решено. Слежка прежде всего.

Штрук заглянул в телефонную книжку и узнал адрес профессора Пряника.

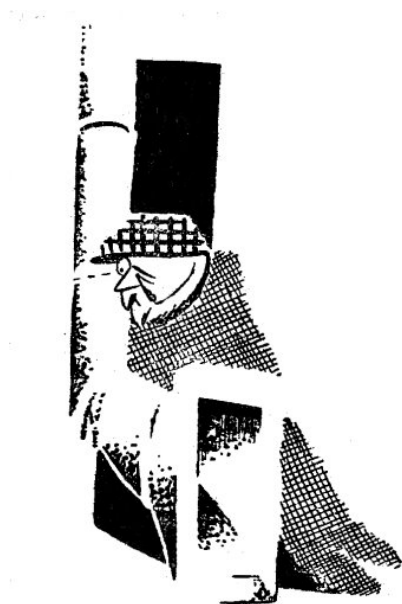
После первых шагов, ясно, легкое утомление. Штрук опять в глубоком кресле и за кофе с ликерами задумался о дальнейших шагах...

.

ПРОДОЛЖАЮЩАЯ ПРЕДЫДУЩУЮ ГЛАВА

Штрук (хромающий седой нищий в невозможных лохмотьях) уже несколько часов торчит у подъезда дома профессора Пряника.

Не подумайте, что сыщики обязательно так всегда себя ведут. Тут причины особые...

...Прижавшись у водосточной трубы...

В окнах свет, мелькают тени... Озябший Штрук терпеливо проторчал до глубоких сумерек. Ничего! Который день ничего!

Утром опять, у водосточной трубы прижавшись, мок под сентябрьским дождем, с затаенной улыбкой пряча подаваемую мелочь...

Но что это? Проклятый профессор окончательно завяз и не выходит. Штрук должен же, наконец, ознакомиться в точности с объектом своего поручения!

Хлопает парадная дверь и оттуда выходит в партикулярном платье швейцар профессора Пряника.

Штрук насторожился. На крыльце — разговор.

— Анна, жди меня через три дня.

— Ты, Болеслав, не рассиживайся долго в этом проклятом Берлине, ты знаешь, я волнуюсь...

— Не беспокойся, профессор не задержит меня долго...

— Что-о?! Профессор?.. В Берлине?!? Посмотреть надо за этим Болеславом!..

Срочно в гостиницу. Экспресс. Берлин.

Штрук поджидает поезд с Болеславом. Осведомился еще в Праге. У того багаж-ящик с надписью «осторожно-стекло». Ясно — профессор тут, тут...

Поезд, пыхтя, приехал...

— Шоффер, следите вон за тем автомобилем!

— Ага! Значит, профессор в «Селекте». Так, так... И только лишь пять дней, — великолепно!

— Шоффер, получите доллар! Вы были внимательны, шоффер...

Читайте следующий—2-ой выпуск:

„Плачущий премьер“.

Б. ЛИПАТОВ, И. КЕЛЛЕР.

В УКАН В КАРМАН

ПЛАЧУЩИЙ

ПРЕМЬЕР.

В УКАН В КАРМАН

1925

Б. ЛИПАТОВ
И. КЕЛЛЕР

Выпуск
ПЛАЧУЩИЙ
ПРЕМЬЕР

2-ой

Иллюстратор
А. ЗУБОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
УРАЛКНИГА
СВЕРДЛОВСК
1925

ГЛАВА, НЕ ИМЕЮЩАЯ НАЗВАНИЯ

Берлин. 8 сентября 1924 г.

1) Фокин идет на свидание к Елене. (Вторая аллея Тиргартена).

2) Пряник ест телячьи мозги с салатом за табль-д'отом гостиницы «Селект».

3) Оскар занят с Болеславом распаковыванием химической посуды.

4) Негр Зулумба ест финики и любит крахмальным воротничком, подаренным хозяином.

5) Штрук гримируется у себя в комнате (гостиница «Метрополь», № 816).

6) Управляющий «Метрополя» получает телеграмму от Шерлока-Пинкертона с заказом на комнату.

7) Генерал Орловский стоит в очереди разносчиков в экспедиции «Роте Фане» (пришлось-таки)...

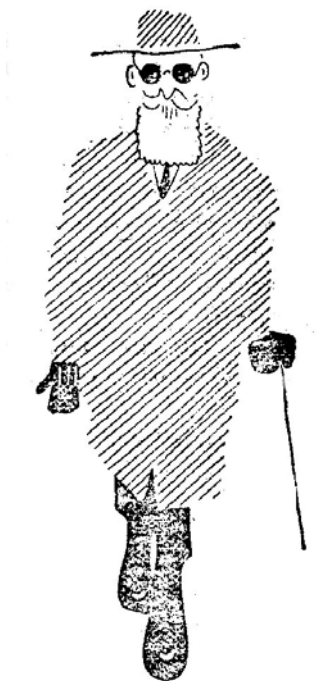
8) Редактор «Берлинер Тагеблатт» печатает заметку о пребывании в Берлине профессора Пряника.

Все, как видите, крайне заняты...

БА! ДА ВЕДЬ ЭТО ПАРКЕР ШТРУК!..

— Ба! Да ведь это Паркер Штрук!

Только благодаря тому, что нам известно, что это он, мы и можем воскликнуть:

Ба! Да ведь это Штрук!..

— Ба! Да ведь это Паркер Штрук!

Представительный седой мужчина, с холеною бородой (руками парикмахера Джонса, Лондон, Реджен-Стрит, 109), в светлых синих очках, мягкой фетровой шляпе, сюртук, светлые брюки, просторные ботинки, портфель (а в порт-

феле автоматическая фотокамера), в боковом кармане тугой бумажник с солидными визитными карточками:

Доктор химии
Готлиб-Антон фон Абштруккер.

Веско, солидно...

К гостинице «Селект».

Что такое? Толпа?... Репортеры и просто зеваки. Высокий негр отбирает визитные карточки... Дождем на поднос падают кусочки картона... Негр скрывается за дверью номера.

Ждут...

— Господин фон-Абштруккер! Профессор просит вас войти...

Церемония знакомства.

Скучно! Давайте, пропустим.

Штрук пялит синие очки на говорящего Пряника.

Последнее время Пряник положительно близок к истерике: «Эта... понимаете, назойливая дрянь... репортеры и все с кодаками»...

Штрук усмехается.

— Да, да... Я понимаю вас, профессор! Одно время, когда я ассистентировал в лаборатории Штейнаха...

— У Штейнаха? Вы были у Штейнаха?..

— Да, да..., но потом я более увлекся работами в области неорганической химии и мне пришлось расстаться с великим ученым. Его физиологические открытия и исследования не могли долго удерживать моего внимания.

— И вы?

— Я перешел к изучению и разработке некоторых вопросов военной химии. По-моему, последняя война велась положительно... хе-хе-хе!.. кустарно!. Я не вижу, чтоб далеко ушли от простой дубины... Человек — венец творения и вдруг — такое несовершенство в способах ведения войны! Какие то детские газики... бомбочки...

— Да вы, я вижу, с очень крупными взглядами, господин доктор. Ох-хо-хо! Вот ловко-то сказано! Газики... Ох-хо-хо!.. Бомбочки!.. — вдруг развеселился дотоле мрачный Пряник. — Нет, вы послушайте! Газики!.. Здорово!.. Браво!

— Хо-хо-хо! — поддержал его Штрук, однако, опасаясь за приклеенную бороду.

— Браво! Хотите мятную лепешечку? Нет? А я вот любитель... Мням-ням... Ох, и юморист же вы, коллега.

— Разве это была война? Месяцы, годы... Миллионы солдат! Атавизм! Люди не хотят дойти до того, чтоб за счет нескольких дней, месяцев, наконец, проведенных в лаборатории, можно отказаться навсегда от такой непроизводительной растраты времени! У меня замечательный девиз, господин профессор, положительно замечательный! «Максимум жизней и минимум времени и при небольших затратах». Только химия! Все будущее в руках химии!..

— Только химия... Да-да, замечательно, — вздохнул Пряник и задумался, посасывая мятную лепешку.

А Штрук зрачек фотокамеры открыл быстро и довольно потер руки.

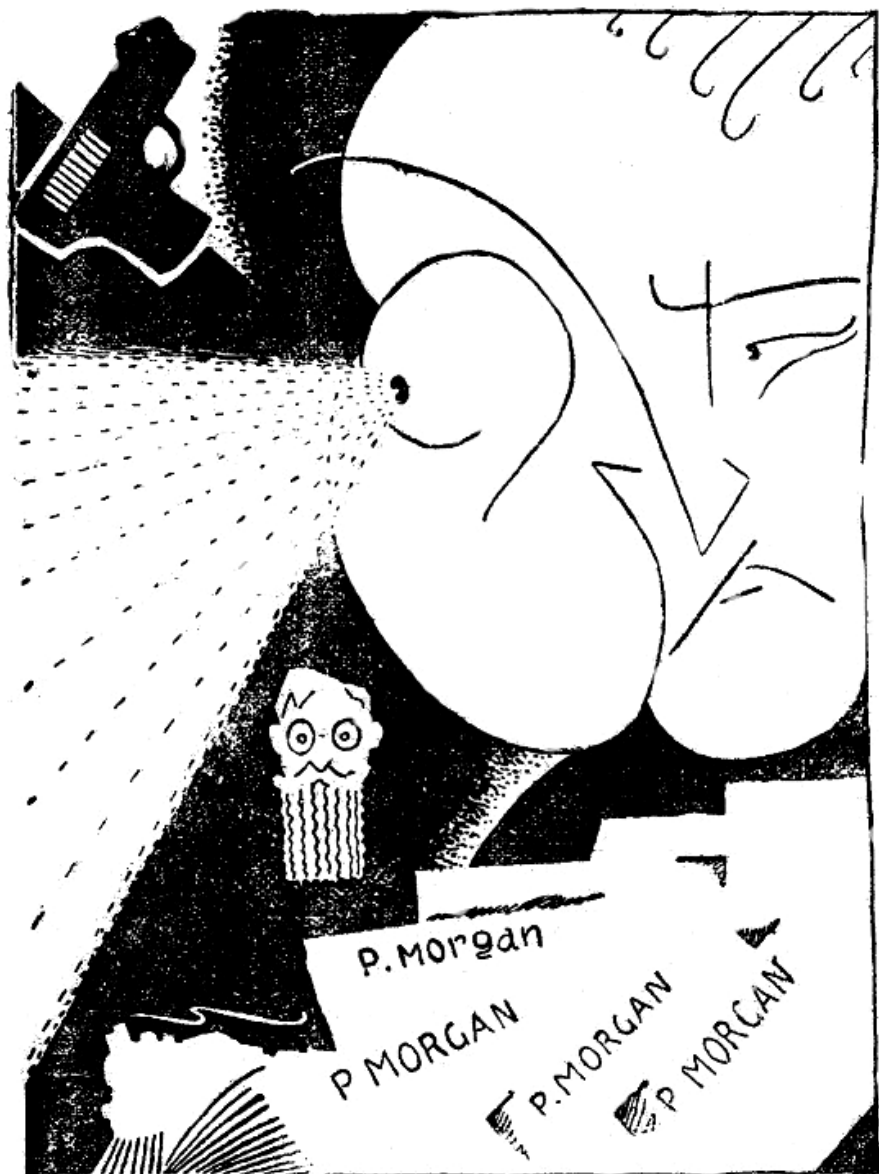
.

— Я очень, очень буду рад!

— Вы любезны, профессор, только возможность свидания с вами позволила мне оторваться от своей лаборатории. Я вас охотно бы рад был видеть у себя во Франкфурте...

— Нет, нет... Разрешите извиниться, я убийственно занят... Я вас жду у себя, пока вы здесь в Берлине, господин доктор!..

— Всего наилучшего, господин профессор...

Паркер Штрук.

ШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА

В дверь постучали.

Тихо.

Стук снова. Тихо опять... По двери коротко и дробно подпрыгнул кулак... Голос...

— Товарищ Фокин! Отоприте!

— А-а-а! Сейчас! — и цепкий сон с головы, на бумаги упавшей, страшным усилием смахивает. К двери...

— Что?

— Вас просят к прямому проводу. Весьма важно!

— Хорошо, идите. Подайте вызов!

Плещет холодной водой в лицо и медленными движениями приводят себя в порядок.

Из зеркала утомленное посеревшее лицо, глаза с обводами, но горящие какой-то новой странной силой и радостью.

В ушах еще звучат сладкие теплые слова (какой очаровательный голос!)...

— Ты страшно много работаешь, Семен. Нельзя так! Нам надо реже встречаться. Ты мне дашь лучше работу около тебя... Ах, да! Нельзя, ведь!... Но ведь ты, милый, можешь. снять мне с себя мое эмигрантское проклятье? Ты можешь?...

И в глаза заглядывают два лучистых диска голубеющей стали, глубокие, бездонные...

Так...

И узенькая полоска телеграфной ленты медленно бежит и вьется на катушку под приплясывание приемника.

— «...т. Фокину... Личный шифр... Получено известие новом изобретении чешского профессора Пряника военного характера. Взрывчатое вещество страшной силы. Освещение через эмигрантские круги Чехии. По слухам профессор Берлине, меры недопущения нового нападения руки империалистов. Освобождайтесь ваших прямых обязан-

ностей. Будьте настороже. Есть подтверждение заинтересо-
ванности держав. АБВГД... АБВГД»...

Так...

Ленту сорвал и сжег...

Через час, секретарю дела сдав, лег с дрожащим от взя-
той на себя задачи сердцем и почувствовал, что тут, перед
лицом новой опасности (Перекоп в прошлом — пустое!) —
он не один.

Заснул...

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА ОСКАРА

Только когда старые часы прохрипели 12 часов ночи, Эльза Крамер (хозяйка модного магазина «Крик моды», жирная старуха, злая и скупая) позволила поденным мастерицам кончать работу и уходить домой. Леля задержалась в комнате и тихо сказала:

— Фрау Крамер...

— Что тебе еще?

Русская потаскушка!

— Фрау Крамер, дайте хоть немножко денег. Я с отцом ничего не ела два дня... Фрау Крамер!..

— Деньги! Деньги! Вы, русские, сели на нашу шею. Дармоеды! Работать не хотите, а деньги просите! Ты мне надоела с деньгами!.. Если не нравится, можешь убираться!... На улице тебе дадут деньги... Русская потаскушка!..

Горячий комок подкатил к горлу и залил свинцом голову Лели... Грубые слова нагайкой хлестали... И от боли,

бесконечной боли, — цветные круги плыли перед расширившимися глазами... С трудом, как после тяжелой болезни, переставляла ноги, отмеряя шагами истоптанный асфальт переулков и улиц...

Шла...

На куцом бульваре двое сзади схватили и потащили к кустарнику... Леля крикнула несколько раз, но потная ладонь зажала дрожащие губы... Бросили в траву...

Наклонилось улыбающееся лицо... и вдруг понеслось куда-то вверх, кусты волчком завертелись, а небо быстро-быстро опускалось на землю...

— Они вас не ушибли, фрейлен?

Леля открыла глаза... Посмотрела внимательно в голубое озеро незнакомых зрачков.

— Нет... О, как я испугалась!..

— Вы... русская?

— Да... эмигрантка...

— Разрешите проводить вас?

— Пожалуйста.

У дома, прощаясь, передал Леле карточку и сказал:

— Фрейлен, всегда к вашим услугам...

Только на утро Леля вспомнила о карточке...

Нашла.

На ней тиснено:

Оскар-Амедей фон-Штралелюмменау
(Менау) —
доктор химии.
Фридрихштрассе, 48. —

ЧОРТ ВОЗЬМИ! НИЧЕГО!..

— Итак, любезный коллега, вот в этих книгах вы найдете много материала по интересующему вас вопросу, — любезно закончил Пряник, передавая Штруку книги. (У Штрука седая борода и за синими стеклами спрятаны насторожившиеся глаза).

— Я не знаю, как благодарить вас, дорогой профессор!

— Что вы, что вы!.. О, уже два часа. Мне пора в лабораторию... Простите, герр Абштруккер!

— Я должен извиниться перед вами, что отнял несколько драгоценных минут...

— До свидания, коллега!

— До свидания, профессор!

На улице Штрук жадно просмотрел блок-нот Пряника (все, что удалось во время разговора, спрятать в карман).

— Чорт возьми! Ничего... Какие-то пустые заметки. Этот проклятый чех ни одного лишнего слова не сказал, за все время... Но мы еще поборемся, чорт возьми!.. Авто-о-о! «Гостиница Метрополь»!

ПЛАЧУЩИЙ ПРЕМЬЕР

— Товарищи! Завтра в рейхстаге премьер будет настаивать на отпуске денежных сумм на покупку изобретения Пряника; конечно, премьер выдумает какой-нибудь предлог для получения денег, но цель полочки — «Вулкан смерти»... И мы должны, во что бы то ни стало, сорвать выступление премьера.

— Я имею предложение.

— Мы слушаем вас, тов. Фокин.

— Товарищи! Вот в этой пробирке находится газ, который...

Премьер поднялся медленно на трибуну, пригладил седую шевелюру и глянул в сторону комфракции.... Невнимательные позы депутатов успокоили премьера и он, скрестив руки и откашлявшись, начал:

— Наша республика переживает тяжелые дни экономического кризиса и безработицы... Но правительство, правда, ценою тяжелой борьбы, приняв проект Дауэса, надеется вывести республику из этого тупика, в котором она находится эти годы. Но главное условие скорейшего оздоровления государственного аппарата, это — полное сочувствие всех партий правительству (премьер опять глянул в сторону комфракции... невнимательные позы депутатов опять успокоили премьера)... И думаю, что каждый депутат прежде всего — немец. И вот присутствие этого немецкого духа... (Сверху на трибуну падает скляночка. Дзак!.. легкий звон потонул в сладком баритоновом голосе премьера, который не обратил внимания на упавшую сзади склянку. Главное, — комфракция спокойна!!!)... присутствие этого... немецкого... (премьер моргает глазами и лезет рукой в карман.

Депутаты удивленно вытягивают шеи)... присутствие.. духа... этого...

(На скамьях правой шум).

—Премьер... плачет! Плачет премьер!

Премьер плачет!

— Какой позор!

— Германский премьер плачет!

— Смотрите, смотрите. Платок! Платок!

— Граф, я не могу... Я двадцать лет сижу на этой скамье, но никогда не видел плачущего премьера!

— Как завтра возрадуются французские газеты!

— Он должен подать в отставку!..

(А премьер, белый и потный, напрасно старался душистым платком остановить проклятые слезы.

Слезы бежали... бежали... бежали...).

— Плачущий премьер!.. Дол-л-л-л-ой-й!!.

— Если бы это знал император!..

— До-л-л-л-о-о-!!.

— Позор Германии!..

— Плачущий премьер!.

И в общем крике и бесновании только комфракция спокойно следила, как истекающий слезами премьер пытался закончить так удачно начатую речь.

ВУЛКАН В КАРМАНЕ!

Товарищ Фокин свободное время проводит с Лелей. Оказалось: — ни долголетний подпольный стаж, ни тяжелая фронтовая работа, ни ежедневное мозговое напряжение не спасает от любви.

Правда, Фокин любил просто и так же просто рассказал Леле несколькими словами о любви, но все-таки... Леся (в прошлом Смольный институт и строгая бабушка) взволнованно выслушала Семена и полезла за платочком в кожаную сумочку (платком прикрыть разгорающийся все сильней и сильней румянец)... Из сумочки на ковер выпала визитная карточка Оскара.

Фокин прочитал и сразу забыл о любви...

— Ты знаешь этого Оскара?

Леся рассказала странное знакомство с учеником профессора Пряника — Оскаром фон-Менау.

— Даешь Оскара! Вот повезло! Он так тебе и сказал: «Фрейлен, всегда к вашим услугам?..»

— Да, когда мы попрощались...

— Тогда завтра-же Леся, шагай к этому химику и бери его за жабры. Мол, герр Оскар, даешь заработок в вашей лаборатории... Поняла?

— Попросить службу?

— Непременно! тогда таинственный пряниковский вулкан будет у нас в кармане. У нас в кармане!.. понимаешь, Леся? Вулкан в кармане!..

ВСЕГДА К ВАШИМ УСЛУГАМ

Коробка лифта застыла.

Третий этаж... квартира 11... А, вот. Пуговку звонка нажала несколько раз.

— Господин Менау дома?

— Да.

— Попросите передать: Елена Орловская.

— Сейчас!

Леля оглядывает чистенькую переднюю... Вспоминает: Петроград, Литейный, квартира... Свою комнату... Милый русский язык... Неву... маму...

— Пожалуйста!

Леля вздрагивает... Перед ней стянутый черным сюртуком Оскар, изливающий бесконечный голубой свет своих оловянных глаз...

— Очень рад, что вы вспомнили, фрейлен, мой адрес.

— О, да! Я его буду помнить всегда... Ведь вам я обязана...

— Что вы, что вы!.. Мой поступок — самая обыкновенная обязанность мужчины...

— Господин Менау!.. Помните, прощаясь у моего дома, вы сказали: всегда к вашим услугам?..

— Да, да, это мои слова.

— Вот я и пришла попросить вас дать мне возможность найти какой-нибудь заработок.

— Вы хотите служить?

— Да.

— Пойдите... пойдите...

Оскар к телефону.

— Станция? 13-185-04... Спасибо... Профессор? Дорогой профессор, вы еще не нашли человека на место госпожи Генкин? Нет? У меня есть... Да!.. Вполне!.. Ручаюсь!.. Хорошо! До свидания...

— Ну вот, поздравляю вас с должностью секретаря известного профессора Пряника, моего дорогого учителя.

— Благодарю вас...

Я БОЛЬШЕ НЕ МОГУ!

- Оскар, я больше не могу!
- Дорогой учитель...
- Каждую минуту в квартиру лезут проклятые корреспонденты... Я не могу сделать ни шагу, чтоб не щелкнул фотографический аппарат!!! Пряник чихает!.. Пряник кушает!.. Оскар, так нельзя придумать ни одной формулы!.. Оскар!!.

Я не могу сделать ни шагу...

- Герр профессор...
- Ну, что там еще?
- Какой-то господин вас спрашивает.
- В шею! Навуходоносор, гони всех в шею!! О-о-о! Где мне спрятаться от этих проклятых писак?!
- Я придумал, профессор!
- Говори, Оскар, говори!

— Сегодня ночью мы тихонько уедем в одну деревню, где я когда-то проводил летние каникулы... Я думаю, там можно будет совершенно спокойно закончить вашу работу.

— Правильно! В деревню! К чорту, к дьяволу, но подальше от «кодаков» и репортеров... Итак— сегодня! Поедут: Навуходоносор и фрейлен Орловская... Распорядись, Оскар, уложить необходимые вещи. В деревню! К чорту!..

В Берлине, на вокзале

ШЕРЛОК-ПИНКЕРТОН

с трудом пробивался через кричащую гущу носильщиков, заметивших иностранца. (Ах! Иностранцы платят валютой!).

— Валютой!!!

— Разрешите, сударь... Гостиница «Метрополь».

— В центре города?

— О, да... Самая лучшая... При гостинице театр, кабаре...

— Хорошо. Везите...

— Ав-то-о-о-о... гостиница «Метрополь»!

МОНОЛОГ ПРЯНИКА

— Здесь воистину шикарно, Оскар, — радовался Пряник, устраивая свою лабораторию в нанятой деревенской усадьбе, — главное, — полная изоляция; хорошая, колючая изгородь не позволит этим назойливым писакам проникнуть сюда со своими идиотскими интервью. Не возьмете ли на себя, фрейлен, — обратился профессор к Елене, — обязанности по приведению вашими женскими ручками нашего помещения в уютный вид? А потом вы разберетесь немного в моем архиве. Он в страшно неряшливом состоянии. За последнее время я сделался, как рассомаха, от постоянного напряжения. Побудьте-ка на моем месте и тогда только оцените в полной мере подобный деревенский патриархальный быт... Оскар! Распорядитесь ящички с приборами принести сюда... Эй, вы!.. осторожнее! Не грохайте так ящички!.. Фрейлен Орловская, достаньте примус из той корзины... Что? Все равно, яичницу, так яичницу!.. Уф! Где же мои лепешки? Оскар, не видели вы моих лепешек? Ах, вот они! Вы только представьте себе! В Праге нет никакого спокойствия! Мое баранье правительство ни до чего лучшего не смогло додуматься, как отказать мне в субсидии!.. Мои любезные соотечественники после сибирских подвигов ни на что порядочное теперь не способны... В Берлине... А, ну его к чорту! Да не грохайте ящичками, олухи вы этакие! Оскар, найдите мне коробку-у-у!!.. Ах, фрейлен, так быстро... Присаживайтесь, Оскар, к столу...

ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО

Тра-та-та-та-та...

Стучат ундервуды...

По коридору, истыканному дверьми, проносятся курьеры.

Надоедливый шум разбивается о наглухо закрытую дверь с дощечкой: «Редактор».

— Немедленно в набор! Скандал в рейхстаге! Выделите черным петитом!.. Премьер подал в отставку!..

— Кто у телефона? Трое убитых? Это не интересно!

— Алло! Что? забастовка? Подите вы к чорту с новостями, которые нельзя печатать!! Никаких но!

— Пошлите за Штейном! Нельзя нам оставаться без хроники!..

— Дело притонов разврата? Ладно напечатаем. Только что такое Берлинский притон? Надо с краю предать суду все квартиры, где живут эмигранты!..

Редактор стукнул кулаком по столу... Трах!..

— Какой же вы после этого репортер! Я вас спрашиваю, чорт возьми? Вас не пустили в дверь, — лезьте в окно, ломайте стены, пропиливайте потолки, но проникайте! Слушайте: — проникайте!!.

— Да, но профессор Пряник ночью уехал неизвестно куда...

— Неизвестно куда?!. Разве так говорит журналист? За что вам платят деньги? Вы должны все знать! Понимаете — все!!.

— Но, господин...

— Никаких но! Во что бы то ни стало, наша газета должна первая поместить местопребывание этого сумасшедше-

го изобретателя! Ступайте. Да скажите секретарю, чтобы поместили заметку о таинственном отъезде Пряника... И так — во что бы то ни стало, найти чеха!.. А не то-о!!.

— Понял, господин редактор...

ЗУЛУМБА ПРИОБРЕТАЕТ НОВОГО ХОЗЯИНА

Шерлок Пинкертон лениво двигался мимо пылающих витрин. Мелькали пестроодетые женщины, заглядывая в лицо усталыми, подведенными глазами; толкали чьи-то локти, и часто шопоток в ухо булькал: «Пожалуйста... совершенно голые... отдельные комнаты... только 14 лет...»

Пинкертон брезгливо сосал трубку и шагал дальше... А за ним, чувствуя в плотной фигуре, каменном лице, желтых остроносых ботинках и брильянтах на пальцах, — доллары, плелись женщины, стараясь виляющими бедрами привлечь его внимание... Ведь иностранцы платят долларами!.. Долларами! И еще ближе наклонялись к Пинкертоновскому уху покрашенные губы, выплевывая со слюной: «Будете довольны... Только два доллара...»

На углу — пестрядь плакатов, вереница авто и в раскрытые двери — плач скрипок... Пинкертон остановился, посмотрел на часы, на убегающую фонарями шумную улицу и, вытряхнув из трубки пепел, подошел к кассе.

В дымной зале, осторожно пробираясь между столиками, Шерлок Пинкертон с трудом нашел свободное место и заказал изогнувшемуся лакею бутылку «замороженного».

На маленькой сцене совершенно голый Зулумба тряс лоснящийся живот... Белыми пятнами белков улыбалось черное лицо...

Перекатывающиеся валики мышц и огромные руки негра заставили Пинкертона выйти из равнодушно-усталого состояния.

— Ол-райт! Один удар и — готово!.. Это ценная находка.

— Вы импрессарио негра?
— Да... Самуил Рацкер. Чем могу служить?
— Сколько хотите?
— Что-о-с?!..
— Сколько хотите долларов?
— Не могу понять... Вы пьяны?
— Идиот! (Имея доллары, все можно!). Я хочу купить у вас негра...
— Вы импрессарио?
— Нет. Ну, сколько?
— Продать Зулумбу?! Этот драгоценный камень искусства, который я подобрал в грязи и заставил блеснуть!!
— 500 долларов!..
— 500 долларов? Профанация!.. Я, — Самуил Рацкер, не торгую...
— 1000 долларов!..
— Не торгую живым товаром! Я — скромный театральный деятель и Зулумба — моя гордость...
— 1500 долларов!..
— Поймите... Люблю негра!!! Чистая привязанность...
— 2000 долларов!
— 2000 долларов? Я... вообще... немножко прибавьте!..
— 2000 долларов!!
— Берите! Берите! (и, пряча чек в линялый бумажник): Первый раз Рацкер продешевил... Эх!!!

Обратно в гостиницу «Метрополь» Шерлок Пинкертон ехал в авто. Рядом с ним насвистывал Зулумба...

Берите, берите!

А улицы убежали электрическими пятнами фонарей и витрин, и надоедливые выкрики газетчиков залезали в тишь автомобильной кабинки...

ЛИРИКА

— «Мой милый! Если б не твоя настойчивость, я бы не уехала из Берлина с этим чудаком чехом. Целыми днями он и Оскар возятся в лаборатория, которую здесь устроили... Я занимаю должность не то экономки, не то секретаря... Никаких тайн от меня, повидимому, нет, только неудобно само-по-себе уже то, что я-то не слишком сведуща в их узкой специальности; немецкий язык, правда, весьма порядочно мне известен, но их разговор настолько пестрит специальными терминами, что многое невдомек. По временам в лаборатории раздаются взрывы, после которых Пряник и Оскар выходят оттуда особенно довольные. На днях профессор поместил в бочку с водой часовой механизм, в который вложил что-то вроде наперсточка... Из разговора я поняла, что профессор поместил в заряд одну десятую грамма своего везувиана... Мы поспешно отошли от поляны, где стояла бочка... Ждали... Вдруг взрыв и на месте бочки сверкнул радужный сноп... Навуходоносор (слуга профессора, негр) буквально посерел от страха... Профессор бегом побежал назад и выкликал Оскару: «Вы видели коричневые лучи? Я был прав, предполагая подобный спектр!». Оскар отвечал: «Я же вас уверял, профессор, что при моментальном испытании мы будем видеть предполагаемый спектр». Там, где стояла бочка, не было ни щепочки. Вода не оставила ни единой брызги. Десяток квадратных сажен голый земли... Все сметено и уничтожено до тла...

«Единственное, чем можно любоваться при взрыве, — сказал Оскару профессор, — так это спектральным анализом».

Они грубо хохотали, и Пряник даже угостил меня своими лепешками... — Я о тебе, милый, очень скучаю и, (тут нежности всем достаточно понятные)... Кажется, Пряник собирается в Берлин, по крайней мере он об этом частень-

ко заговаривает. Значит, я скоро (нежности вновь)... тысячу раз...

Елена».

Женщины всегда на один покррой.

Мужчины?

Хм... мужчины?.. Тоже, пожалуй.

ОСТОРОЖНО, НАВУХОДОНОСОР!

Огромный негр осторожно массирует дряблую спину профессора Пряника...

Пряник, приятное щекотание ощущая, довольно жмурится и лениво булькает словами:

— Осторожно, Навуходоносор!.. У тебя тяжелые руки... Воображаю, с какой силой вгоняли эти руки штык в человеческое тело... Бр-р-р!.. Как не эстетично, грубо воевали люди... Ты должен понимать, Навуходоносор... Когда-то война была праздником! Ликующие юноши радостно направляли бег своих колесниц на вражеские полчища... Дух войны был благородно изыскан... Осторожно!.. около лопатки... Да! Вот так!.. Но, когда мещане — мелкие обыватели — внесли вместе с собой в аромат битвы вонь мелких лавок и спален, — война потеряла прелесть игры и превратилась в бойню... Понимаешь, Навуходоносор, — мясная лавка!.. Люди без рук, без ног!.. Люди с искусственными глазами, руками, зубами... Разве это война? Нет! Я, — поклонник эллинских битв — своим изобретением очищу войну от мещанской неряшливости... Никаких раненых! Бум-бум-та-ра-рах! и... гладкое место... Чистое, гладкое место! Вообрази, Навуходоносор! Стоит 1000... 100.000... 1.000.000 человек... Вдруг... бум-тара-рах!!! Веселое, жизнерадостное бум-тара-рах и — чистое место! Никаких вонючих окопов, варварских проволочных заграждений! Никаких лаззретов и операционных зал, где залитые кровью хирурги издеваются над благородным человеческим телом... Я своим изобретением буду превращать тело человека в пустоту. Осознай, Навуходоносор!.. Не нажимай так, идиот!!.. Человек возникает из пустоты и в пустоту превращается... Довольно! Налей мне стакан вина и позови господина Менау...

Осторожно около лопатки...

— Вы звали меня, профессор?

— Да... Дорогой Оскар!.. Эти две недели, проведенные в деревне, укрепили мои нервы и помогли избавиться от проклятых журналистов... Завтра мы переезжаем в город, а отсюда...

— А оттуда, господин профессор?

— В Африку.

— В Африку?!?

— Да, Оскар, в Африку.

Б. ЛИПАТОВ, И. КЕЛАЕР.

В УЛКАН В КАРМАНИ

В УЛКАН В КАРМАНИ

1925

3

Б. ЛИПАТОВ
И. КЕЛЛЕР

**Выпуск
ЗАЛУМБА,
БОЛЬШЕ
ВНИМАНИЯ**

3-й

Иллюстратор
А. ЗУБОВ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
УРАЛКНИГА
СВЕРДЛОВСК
1925**

8-ОЙ ОЧЕРЕДНОЙ ДОКЛАД

Шерлок-Пинкертон вытянулся поудобнее в плетеном кресле и утонул в последних «Утренней Газеты». Только у биржевой котировки немного задержался и опять побежали зрочки по столбцам, перепрыгивая с заголовка на заголовок.

Двери эластично зевнули, и плотная фигура Паркера Штрука, обтянутая серым костюмом, медленно проциркулировала до плетеного кресла... Под тяжестью штруковского тела скрип жалобный возник; Шерлок-Пинкертон споткнулся о заголовок «Бисквитный социализм господина Макдональда» и недовольно посмотрел на Штрука, просматривающего толстенную книгу (Проклятый Пряник! Всучил какие-то физические журналы и теперь бедняге Штруку приходится читать скучнейшие статьи всяких Эйнштейнов. Ничего не поделаешь! Клиенты платят долларами. Приходится...).

...События в Марокко... мимо! «Декларация Юза»... опять старик заговорил... мимо! О! Э!.. И...

— *Таинственный отъезд Пряника!*

— Чорт возьми, куда же исчез этот неуловимый чех?

Штрук читает статью «Скорость солнечного луча»; Пинкертон, перечитав несколько раз коротенькую заметку, пытается отгадать местопребывание Пряника...

В зале тихо.

Неожиданно почтительный голос лакея:

— Мистера Паркерса просят к телефону...

(Главное — конспирация! Штрук жил в гостинице под скромной вывеской — комми-вожера Адольфа Паркерса).

— Мерси. Иду.

Кресло опять скрипнуло и заставило Пинкертон бросить газету и недовольно осмотреть округлую спину исчезающего Штрука...

На столе раскрытая книга.

Пинкертон взял...

Листает...

Статьи, статьи, статьи...

О! О! О!

Глаза Пинкертон огромными сделались, кровью налилось лицо...

В углу, на странице печатью тиснено:

— Профессор Пряник.

Через несколько страниц — опять:

— Профессор Пряник.

— Значит он!!! Вот куда спрятался... в гостиницу «Метрополь»... Паркерс... Хаха!! Но Пинкертон не проведешь! Да-да!.. Он сразу, как только скрипнуло кресло, почувствовал, что пахнет серьезным делом... Теперь отчаянное внимание. А... Он идет... Пинкертон — внимание... Так... так... Берет книгу. Уходит. Ушел.

— Челове-е-е-к!

— Мистер?

— Не знаете, кто этот господин? Страшно знакомое лицо, но не могу вспомнить...

— Из Франкфурта, Адольф Паркерс. Комната № 816.

— Комната 816? Комми-вожжер? Спасибо...

— Он! Он! Комми-вожжер и журнал Физического Королевского Общества!.. А вдруг он представитель какой-нибудь физической фирмы?.. Не-е-ет!.. Такая серьезная книга... А потом на каждой странице печать:

Профессор Пряник.

Профессор Прятник.

Через час Пинт он отправлял телеграмму:

«Франкфурт на Майне. Городской магистрат. Прошу сообщить адрес вояжера Адольфа Паркерса».

Такую же — во Франкфурт на Одере.

Вечером рассылный принес первый ответ:

«Магистрат Франкфурт на Одере ставит вас в известность, Адольф Паркерс никогда городе не проживал».

Двадцать минут спустя Пинкертон читал вторую телеграмму:

«Адольф Паркерс городе не проживает. Магистрат Франкфурта на Майне».

В коридоре Пинкертон осторожно-осторожно, прислушиваясь к малейшему шороху, сделал слепок с замочной скважины № 816.

И восьмой очередной доклад в далекий Нью-Йорк мистеру Доксу (главному секретарю банкирского дома «Джон Морган и К-о») по радио отправил: «Пряник найден. Подробности позже».

ОБ УСПЕХАХ ШЕРЛОКА-ПИНКЕРТОНА

Зулумба, погрузив тело в мягкость перины, сосредоточенно плюется; стараясь попасть плевком в портрет какого-то сморщенного старика, висящий напротив... На столе пустые бутылки, консервы, огрызки... Зулумба, плюнув по-

Зулумба сосредоточенно плюется.

следний раз, торжественно потянулся и, закрыв глаза, старался вспомнить подробности вчерашней попойки... Туман... Алкогольный туман! Только помнит, как танцевала на столе... как ее там... Луиза... нет, другая рыжая... а может быть Луиза!

— Ты, наконец, скотина, проснешься?

- А! О!.. Луиза... Мистер!!.
- Для того я тебя купил, черная образина, чтобы ты пьянствовал и терял мышечную силу... А?!
- Мистер... только три рюмочки!..
- Три рюмочки!!.. Да я тебя...
- Простите, мистер Пинкертон...
- Слушай! Завтра в двенадцать часов ночи стой у входа гостиницы «Метрополь». Будет работа... Понял?
- Да, да... 12 часов! Гостиница «Метрополь»!
- Захвати с собой большой мешок... и веревки... тонкой, но крепкой... Итак, в 12 часов. Будет работа...
- Понял, мистер!
- Гостиница «Метрополь»! 12 часов!

О ТОМ ЖЕ

Адольф Паркерс по вторникам в 7 часов уезжал в веселое заведение госпожи Хозе. Так сказал коридорный. Пинкертон взволнованно мерял крупными шагами пушистый ковер номера. Время ползло возмутительно медленно; казалось, стрелка около каждой цифры отдыхала прежде, чем продолжать установленный круговорот времени.

Семь часов. Наконец! Пинкертон осторожно выскользнул в коридор... Тихо... Никого. Быстро прошел нумерованные двери и только у 816 остановился, оглянулся несколько раз и вставил поддельный ключ... Щелк! Готово. Но дверь скрипит, ужасно скрипит... Пинкертон слушает. В коридоре тихо... Тогда — вперед!

В номере Паркерса тяжелый аромат сигар. Потайной фонарь Пинкертона жадно ощупывает стулья, смятую кровать и письменный стол... Письменный стол... Вот где таится тайна таинственного изобретения!.. Пинкертон заботливо перебирает лежащие бумаги... Ничего!.. Ни-че-го!

Разочарованно ругнувшись, Пинкертон полез в ящик... Блок-нот... На белоснежном поле листа черным тиснено: «Тадеуш Пряник. Профессор химии Пражского Университета».

Новое доказательство правоты убеждения Шерлок-Пинкертона, что комми-вояжер Адольф Паркерс есть изобретатель «Вулкана смерти». О, Пинкертон знает: в этом деле нужно добиваться успеха всякими средствами!.. Наплевать на правила вежливости! Тут не гостиная мистера Рокфеллера, а борьба... борьба за изобретение Пряника... Мистер Докс сказал:

«Мистер Шерлок-Пинкертон, вы должны достать “Вулкан смерти” банкирскому дому “Джон Пьерпонт Морган и К-о”...»

Так и будет! Пряник сам расскажет Пинкертону свое изобретение! Сам! Когда?.. Завтра! Да!

Завтра Пинкертон будет держать Пряника в руках... Не хочешь сказать о «Вулкане»? Зулумба, двинь профессору в зубы! Ха-ха!!.

И, улыбаясь, Пинкертон так же тихо, как и вошел, исчез из прокуренного номера комми-вояжера Адольфа Паркера.

ЗУЛУМБА УДИВЛЕН

Зулумба удивлен. Несказанно удивлен. До сих пор он видел массу своих собратий, таких же черных, как и он, и у всех у них была общая судьба... Их брали, кто хотел, давали в руки винтовку, сажали в окоп и... убивай. Убивай! Зулумба считал белых крайними чудаками... Как странно! На плантации от зари до зари непосильный труд, жесточайшее обращение и голодное существование... Берут на войну — кормят хорошо, работы совсем мало, только убивай. Но как кормят! Он не помнит подобной еды на плантации... Потом — хлоп! Зулумба пляшет, Зулумба веселится, трясет ляжками и скалит зубы... И как хорошо кормят... Они называют это работой! Какая же это работа? Потом — авто... Да, белые совсем дураки! Кормят как... кормят! А Зулумба лежит и плюет в потолок. Никакой работы... А то, что мистер Пинкертон ругается, так разве все белые не ругаются? Разве белые не имеют права ругать негров и быть дураками? Никакой работы и так много пищи!!.

Зулумба удивлен и, будучи окончательно подавленным, он еще раз сочно украшает плевком картину.

Шерлок-Пинкертон.

ЗУЛУМБА, ДВИНЬ ЕМУ В ЗУБЫ...

Зулумба молодец. Штрук даже не успел пикнуть... Как приятно чувствовать в руках бьющееся тело; жалко — нельзя запустить пальцы в тонкую шею и хорошенько тиснуть... Нет, мистеру Пинкертону этот человек нужен живым.

И вскинув мешок со своей ношей, Зулумба нырнул во тьму переулка...

— Вы — профессор Пряник? — и Пинкертон таращит глаза на Штрука. (Тот доволен — при нем никаких бумаг).

Штрук молчит и кидает злобные взгляды.

Шерлок-Пинкертон сначала хочет действовать мягко.

— Вы — профессор Пряник, я это знаю. Я видел вашу книгу и блок-нот; в «Селекте» живет подставное лицо. Да-с! Для меня никакой тайны не существует! (Штрук улыбнулся глазами, но Пинкертон увлекся собственным величием...) Продайте ваше изобретение, и я освобожу вас, — правда, не сразу...

Штрук молчит.

— Вы получите 100.000 долларов. Сто тысяч!!

Молчание.

— Двести тысяч!.. Зулумба развяжет вам руку и мы подпишем предварительное условие. Мало?

Паркер Штрук — гранит.

— Я боюсь, что мне придется прибегнуть к насилию... Но... Лучше все покончить сразу. — Пинкертон горячится. — Полмиллиона!! Вы понимаете? Ну!..

Штрук ни единого движения... Пинкертон заносит кулак... Слова —хрип....

— Мил-ли-он! Ну! Один мил-ли-он долларов? Я не шу-
чу... Ну! Два!!.. Молчите?!! Три!!!

И злобно Штрукову голову сокрушающим ударом вдавил
в плечи...

Зулумба, двинь ему разок!

— Зулумба, двинь ему разок!..

И негр дюжим кулаком сметает бесчувственного Штру-
ка со стула в угол...

— Ну, он теперь до утра не очухается, проклятый!..
Уф!!.. Зулумба, подай виски.

И ругнувшись сочно, перед отходом ко сну, тридцать
второе радио отправил мистеру Доксу — секретарю прав-
ления «Джон Пьерпонт Морган Компании». «Пряник по-
пался. Приготовьте деньги».

О ГАЗЕТНОЙ ЗАМЕТКЕ

Редактор размашисто подмахнул чек на крупную сумму...

— Так, так... Я прав — репортера надо держать в трепете! Репортер — пластичная масса, которую надо лепить... Его надо хвалить, подбадривать очень щедро после каждой ругани... Шарман! Что этот чек? Пустое! Зато газета располагает самыми свежими новостями. Нет, положительно репортера, который готов заглянуть в жерло пушки в момент выстрела, надо хорошо отблагодарить. Пуганый репортер — самый пронырливый! Он знает все.

И еще раз пробежал полученную телеграмму:

— «Сообщаю, что профессор Пряник взял билет от Потсдама до Берлина. Приедет в 9 час. 20 мин., остановится в “Гранд-Паласе”. Вещи отправлены автомобилями. Жил на хуторе “Глюклихе-Абенд”. Через полтора часа приеду сам в редакцию. Штейн».

Редактор — пухлый палец на кнопку звонка и секретарю вошедшему:

— Разными шрифтами... на первой странице. Газета выйдет в момент отъезда профессора... На вокзале он уже будет читать сам о своем приезде!..

И в кресло откинувшись, потирая руки, сладко зевнул, утомленный вечерней работой...

Пинкертон через три ступеньки мчится в комнату Зулумбы. В руках — номер газеты.

Бурей влетел...

Штрук безжизненно лежал в углу...

— Ну, черномазый, живо! Не тот! Мешок.. скорее мешок!!.. Живо!..

И с растерявшимся Зулумбой впихивает бедного Штрука в тот же узкий мешок.

— Не надо завязывать! Закрути только. Очнется — вылезет.

Осторожно в кабину автомобиля втиснул странный багаж.

Загородное шоссе мелькало километрами... Ага! Вот хорошая роща. Пинкертон застопорил мотор. Движение еще пока слабое... Никого.

— Зулумба, тащи! Вон туда... В кусты!..

Через десять минут, дав глотнуть из фляги старательному чернокожему, помчал обратно в просыпающийся Берлин. Еще бы! Профессор приедет в 9-20. Надо успеть! Пей, Зулумба, пей, ты хорошо поработал. Пока зря... дальше видно будет...

ШТРУКУ ВЕЗЕТ

Заслышав, что автомобиль отъехал, притворявшийся беспамятным Штрук вылез из мешка... В голове у него до сих пор еще звенело от дюжих ударов, полученных при допросе. Странно, что эта бестия Пинкертон не узнал его... Штрук моментально вспомнил лицо своего собрата по профессии... Погоди же!

Пошатываясь, английская дефективная знаменитость выбрела из рощицы на покрытую лужами дорогу.

Ловко же Пинкертон улучил минуту, чтобы выбросить Штрука; на горизонте уже показался транспорт грузовых автомобилей...

Штрук оправился и, сев на придорожный камешек, стал поджидать...

— Алло, — крикнул он шофферу передового грузовика, — остановитесь!

Тот застопорил.

— Что это у вас такой встрепанный вид? — спросил тот, с удивлением оглядывая сыщика.

— Ограбили и оглушили... — и Штрук показал мешок, в котором его выкинули, — работали явные специалисты, раз запаслись таким мешком.

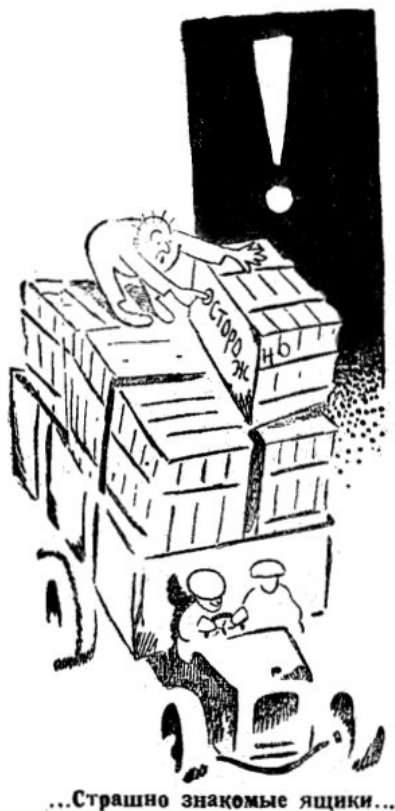
— Ну, дружище, полезай на ящики, так и быть довезу до Берлина, — и механик пустил машину.

Взгромоздясь на кучу ящиков, Штрук, бросив случайный взгляд на них, положительно остолбенел... Страшно знакомые надписи: «Осторожно», «Стекло»... Да-да!. Пражский вокзал... Болеслав — слуга профессора Пряника. Внезапный отъезд профессора... Посмотрим...

Автомобиль остановился у длинных складочных сараев

«Транспортного Общества».

— Приехали, друг, — крикнул Штруку шоффер, — в полицию, значит...

Штрук простился с добрым парнем и, наняв авто, помчал к себе в «Метрополь». Протянув к камину ноги, обмотав компрессом голову и наслаждаясь горячим кофе, Штрук свежую газету развернул...

С первой же страницы запрыгали слова дневных сенсаций:

— «Приезд Пряника». Гостиница «Гранд-Палас».

— Гм!

Репортеры умеют вперед очки давать...

ЗНАКОМСТВО С НОВЫМИ ДЕЙСТВУЮЩИМИ ЛИЦАМИ

У чешского премьера Кассарика с утра приступ подагры и теперь он устало перебирает полученную почту.

Вчера в парламенте монархисты сделали запрос: почему правительство до сих пор ничего не предпринимает относительно профессора пражского университета Пряника?

Как мог

КАССАРИК

с высоты ораторской трибуны заявить, что профессор Пряник требует огромные деньги, а финансы Чехии находятся в таком жалком положении, в таком жалком положении!..

Пришлось выворачиваться. И теперь Кассарик поморщился, когда вспомнил злую речь депутата Тачека... А тут еще русские эмигранты сидят на бедной шее Кассарика... Выгнать их к чорту! М-м!.. Как можно обращаться так небрежно с людьми, которые могут пригодиться... Да... да! Вот Панков, даже переворотик сделал при помощи врангельцев! О, они необходимы!.. Но все-таки что делать с профессором? Что делать? Что?!

Кассарик утомленно закрыл глаза.

Обрывками, перегоняя друг друга, разные планы неслись в премьерской голове...

— О! — и Кассарик забыл о попагре и запросе правой.

— О! — и Кассарик о необычайной легкостью бросился к телефону.

— О!..

— Кабинет председателя сокольской организации? Мерси... Кто у телефона? Это вы, генерал? Да, Кассарик. Дело необычайной важности! Прошу немедленно приехать ко мне. Да, да... Жду... жду...

Опять погрузившись в мягкое кресло, мечтательно закрывает глаза...

В кабинете прохладно, в кабинете тяжелые шторы не позволяют озорному солнцу мешать государственной работе и — незаметно подкрадывается ласковый сон к Кассари-ковскому черепу.

— Хр... хр... хр!..

Тсс!.. Премьер задремал...

Тсс!..

В покой премьеровского черепа врезался осторожный голос секретаря:

— Господин министр... Господин министр...

Опять завертелись проекты, запросы, а над всеми этими надоевшими делами — приступ подагры...

— Да?

— Генерал...

— Проси, проси!..

Встал и сделал несколько шагов навстречу позвякиванию шпор.

— Садитесь, генерал! Вы, конечно, читали коротенькие заметки о таинственном изобретении профессора Пряника; первое время я, зная дутость технических сенсаций, не придавал никакого значения работе профессора, но когда в газетах и даже серьезных научных журналах все чаще и чаще стала фигурировать фамилия профессора, я, памятуя благо государства нашего, написал профессору Прянику письмо; напоминая профессору его чешское происхождение, выражал надежду, что изобретение, столь прославленное, — будет подарено, конечно, за приличное вознаграждение, — чешскому правительству. Через несколько дней получил следующее письмо:

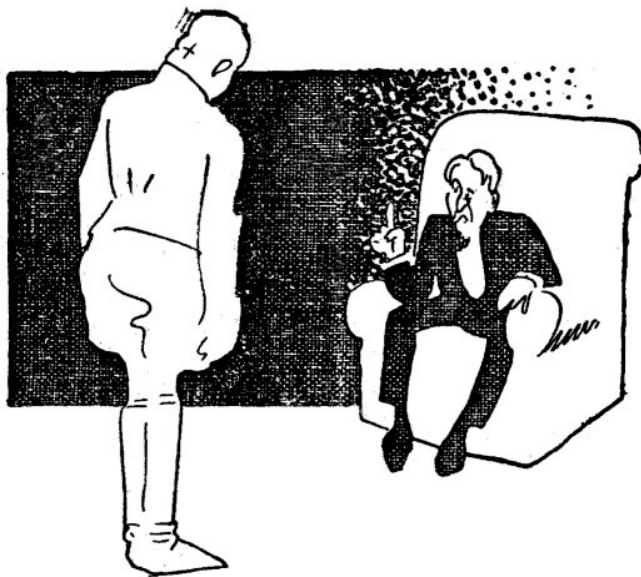
«Господин министр!

Хорошо, конечно (правда, позже других), вспомнить о патриотических чувствах. Когда я — в начале работы — писал несколько раз длиннейшие жалобные письма с требованием субсидии — ваши патриотические чувства молчали, уважаемый гос-

подин министр. Эта тупоумная невнимательность не только государственного мужа, но и моих коллег, не могла, конечно, остановить начатую работу. В кошмарно тяжелых условиях созидался мой «Везувиан»; бывали дни, когда приходилось голодать для того, чтобы купить нужные предметы для опытов... И вот тогда я перестал считать себя чехом, — отдавая «Везувиан» человечеству.

Профессор Тадеуш Пряник».

— Конечно, после такого наглого письма немислимы никакие переговоры. Но вы понимаете, генерал, что чешское правительство должно иметь изобретение Пряника, или...

„Садитесь, генерал“...

— Или, господин премьер?..

— Или уничтожить и Пряника и... Да, это необходимо! Сумасшедший Пряник без всякого колебания продаст «Ве-

зувиан» кому угодно... Мы не обладаем возможностью купить, но уничтожить — уничтожить мы можем!!.. У вас, конечно, генерал, есть верные люди, горячо любящие родину, которые возьмут на себя великую миссию уничтожить человека, забывшего национальную гордость?!

— Если бы не лета, господин министр, я сам...

— Знаю, знаю, генерал!.. Вот поэтому вам правительство и поручает разделаться с этим сумасшедшим...

— Он будет уничтожен...

— Слово?

— Слово!

О ПИНКЕРТОНОВОЙ ДОСАДЕ

Пинкертон злой и непроспавшийся сидит в курительной комнате отеля... Зулумба получил краткий отдых и наслаждался. Этой черной образины не добудиться никакими средствами... Пинкертон грызет кончик сигары. Как вернуть последнюю телеграмму мистеру Доксу? И дернул же чорт телеграфировать, что Пряник в его руках... Тьфу! И новый стакан сода-виски в разгоряченную глотку... Эх!..

Читает толстые еженедельники, глядит непонимающими глазами на всех Куллиджей и Дауэсов, «популярных весма» в Германии. А, ну их к дьяволу... осточертели...

И вдруг...

С кресла привскочил и глаза стальные (какие же у сыщика могут быть другие глаза) в страницу журнальную воткнул...

Что?!?

«Знаменитый профессор Пряник на прогулке со своим слугой Навуходоносором»...

Профессор Пряник!.. Профессор Пряник на прогулке с негром!. Да, ведь, это же Зулумба!!.. Неповторяемая копия Зулумбы!

Брат! Двойник!!.. Сиамские близнецы!!!

И журнал вчетверо согнув и в карманную тишь засунув, помчался к Зулумбе...

Дрожащими руками накапал нашатырного спирта в воду, и, вразумительно порывшись кулаком в Зулумбиных ребрах, освободил негра от пьяной дремоты...

— На, тварь, выпей!

И Зулумба, видя в стакане что-то белое и прозрачное и из собственной пасти ощущая ароматы спиртуозных смесей, доверчиво к стакану потянулся и забросил в непроходимую темноту своего желудка...

НЕГРООБМЕН

«Угождай собаке нужного тебе человека, а потом познакомься с ним»... Девиз, правда, ни к селу, ни к городу, но Пинкертона, несколько за себя настроивший... короче — Шерлок-Пинкертона заинтересовался страшно Навуходоносором — негром профессора... Через 3-4 дня у него была коллекция моментальных снимков с этого черного парня, расписание его маршрутов и приблизительная схема вечерних развлечений...

— Ты все понял, Зулумба?

— Да, мистер.

— Смотри у меня!!

— Слушаю, мистер.

— Значит, ты с ним напьешься, вернее — споишь его, но сохрани тебя твои черномазые боги, если ты проглотить хоть одну лишнюю рюмку!.. Я на автомобиле буду ждать у того сквера... Вон там понял?

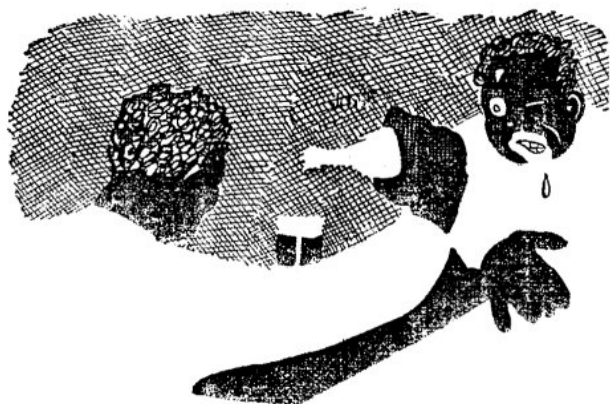
— Да, мистер Пинкертона!

— Ну, ступай!..

Навуходоносор чрезвычайно доволен... В паршивеньком кафэ и вдруг — соотечественник! И такая уйма денег! Навуходоносор и Зулумба радостно ворочали белками глаз и сверкали полосками слепящих зубов...

Ах, какая хорошая водка! Сколько ее было выпито!! Зулумба все-таки не забыл бдительности кулака своего хозяина... Ну, и больно же бьется мистер Пинкертона!..

Навуходоносор рассказывал о своей несложной карьере. Чем его карьера отличалась от Зулумбовой? Ай! Разве можно понять, с каким наслаждением они вспоминали густые заросли и пески, солнце над головой и лоснящиеся от масла животы сородичей. Эх!!

Ах, какая хорошая водка!

Фонари в глазах Навуходоносора были какими-то светящимися гроздьями... Когда они вышли из кафэ, ночной воздух забирался в глотку, выталкивая из нее мотивы далекой родины... Постовой полицейский с большим страхом подошел к чернокожим и сделал им замечание... Не может понять того, что земляки встретились...

Для Навуходоносора события замелькали сказочно неожиданно. Какой-то автомобиль... Снова веселая выпивка... Что?.. Раздеться?.. Можно и раздеться! Ах! и свистнувшая в воздухе дубинка произвела на черепе Навуходоносора небольшую трещину. Навуходоносору не нужно больше прислуживать профессору... Навуходоносор не будет больше вспоминать о тропиках...

ЗУЛУМБА ГОДЕН НА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РОЛИ

Зулумба в платье Навуходоносора...

Пинкертон командует...

— Вот лужа, Зулумба, ползи... Так! Перевернись... Оторви обшлаг: не жалей!!.. Ну, ну, подставь рожу...

— А-а-а-э!!..

— Не ори, дубина! Фонарь под глазом необходим... Ну, так... Разве еще один фонарь... Нет? Ну, ладно, чорт с тобой!

Пинкертон бинтует голову Зулумбы...

— Лезь в авто!.. Как остановлюсь, начинай стонать.

— У-у-у-у... Авто захрустел по асфальту. Яркий подъезд «Гранд-Паласа».

— Эй, кто там?

Швейцар подбегает и распахивает дверцу...

— Здесь живет профессор Пряник?

— Да, да, сударь!

(Из глубины кабинки тяжелые стоны и вздохи).

— Вот, возьмите... Слуга профессора. Бедный малый, на самом людном месте!.. Сшибло омнибусом! Легкие ушибы... Помогите мне провести его!

— Бедный Навуходоносор... Обопрись на меня, черняк!..

— Как прикажете передать профессору?

— Что вы, что вы!.. Я скромный врач и мой долг... Я очень рад оказаться полезным профессору...

И Пинкертон опять умчался в серую мглу шумных улиц.

На третий день Зулумбе (теперь Навуходоносору) надоели компрессы и ощупывания врачей... Он встал и прошелся по комнате...

— Ну, как живешь, Нав? — окликнул его профессор.

— Четыре... — отвечает он, ворочая глазами.

— Что ты сказал? — удивился Пряник.

— Сахар нужно покупать сырым, — ответил Навуходоносор.

— Гм! С тобой что-то неладно... Ну-ка, — приляг...

— Бил-ли-ард!.. — отчеканил мнимый Навуходоносор и покорно улегся в постель...

Легенда о том, что у бедняги Навуходоносора отшибло сознание, моментально облетела отель.

Через неделю Зулумба решил, что комедию ломать достаточно... Начал отвечать и понимать, но память он окончательно утратил...

— Нав, Навуходоносор, Навуходоносорчик, — лепечет Пряник, — неужели ты забыл, что по утрам мне надо подавать яйца в смятку? Ай-яй! Надо привыкать!.. И вода для умывания должна быть надушена оппопонаксом...

И разве трудно научиться таким несложным услугам?

И Навуходоносор в обиходе профессора медленно, но верно воскресал.

Зулумба открывает дверь какой-то барышне и скалит ей зубы, снимая пальто...

— Что, господин профессор, у вас новый слуга?

— Новый? Ах, да! Ведь, вы не слыхали, фрейлен Орловская, о несчастьи с моим бедным парнем; он сильно изменился за время болезни.

Уходя, Елена еще раз пристально посмотрела на Зулумбину рожу и удивленно покачала головой.

АХ, КАК ТРУДНО ДОБЫВАТЬ ДЕНЬГИ!

Кто бы догадался, что любезный старичек, с удовольствием уничтожавший шоколадные конфеты «Снежные поцелуи», и то и дело рассыпающийся веселым смешком, — изобретатель вещества, капля которого превращает в пустоту уютные, теплые дома и подвижное человеческое тело. Нет, сейчас профессор Пряник — ласковый дедушка из хорошей сказки, и трудно верить журнальным фотографиям, с короткой надписью: «Изобретатель нового взрывчатого вещества профессор Тадеуш Пряник».

— Сегодняшний концерт, Оскар, неповторяем. Звуки нежной скрипки еще слаще, еще увлекательнее, когда не видишь мишуры зрительного зала, набитого манекенами в черных фраках и непристойных платьях. Радио концерты <доставляют> бесконечное удовольствие истинным ценителям музыки. Кажется, из воздуха возникают мощные аккорды Бетховенской симфонии... Тра-та-та... Ля-ля-ля... И даже не хочется думать о том, где достать деньги на экспедицию...

— Скажите, профессор, вы все-таки приблизительно выяснили общую сумму расходов?

— Да, Оскар, да! Приобретение яхты — 7.000; содержание экипажа — 2500; прочие расходы — 2.000. Итого: 11.500 — 12.000. А это такие большие деньги!.. Такие большие деньги...

Пряник сокрушенно закачал головой.

— Вот и приходится без конца думать, Оскар, где можно бедному ученому достать 12.000 долларов... Нет, нет! В наше жестокое время легче выдумать два «Везувияна», чем достать деньги!.. Где достать деньги... а? Оскар, включите опять «Радиолу» и послушаем второе отделение...

Из черной трубки выкатываются нежное журчанье скрипок и надрывный плач виолончели... Оскар добросовестно слушает затейливую музыку... Профессор закрыл глаза, за-

был шоколадные конфеты и только шевелящиеся губы — свидетель, что сон еще не пленил плешивую голову...

А скрипки журчат и надрывно плачет виолончель...
Плачет... плачет...

Радио-концерты — бесконечное удовольствие.

— Нашел! — вдруг заорал Пряник, опрокидывая столик с конфетами и «воздушные замки» замечтавшегося Оскара. — Наше-о-о-о-л! Будет яхта, будет экипаж, будет экспедиция!! А это значит — будут деньги... Оскар, к черту музыку!! Посмотрите в моем блокноте на букву «А» фамилию Абштруккер... Нашли? Какой телефон?

— 141-55, гостиница «Метрополь».

— Прекрасно! Звоните, Оскар, господину Абштруккеру и попросите его немедленно приехать ко мне... Немедленно!! Будет экипаж, Оскар, будет яхта! Ах, как трудно добывать деньги...

Б. ЛИПАТОВ, И. КЕЛЛЕР.

В УЛКАН В КАРМАН Е

В УЛКАН В КАРМАН Е 4

1925

Б. ЛИПатов
И. Келлер

Выпуск
Плетутся
Сети

ЖАРМАНЕ

4-ый

Иллюстратор
А. Зубов

ИЗДАТЕЛЬСТВО
УРАЛНИГА
СВЕРДЛОВСК
1925

В
ВУЛКАН

ПРЯНИК ЛЕЗЕТ В СЕТИ

Совершенно лишнее описывать, с какой неповторяемой скоростью Штрук «состарился» около зеркала, превратившись в озабоченного разрешением различных проблем доктора Абштруккера, и какие пути привели его высокоуважаемое тело в удобное кресло пряниковского кабинета...

Штрук «состарился» у зеркала.

— Ваши извинения, дорогой профессор, совершенно лишние... Для меня счастье слушать высокоавторитетные суждения гордости научного мира в какое угодно время дня и ночи...

— Господин Абштруккер, мой разговор с вами, к несчастью, будет очень далек от научного мира. Мой разговор будет касаться самой неприятной для меня вещи, называемой долларами. Вы знаете о «везувиане», вы знаете, что ну-

жен ряд опытов для проверки разрушительной силы «везувиана»; самое подходящее место для «практических» работ — Африка и идиоты негры... Но в Африку нужно попасть... Вы понимаете меня, господин Абштруккер?

— Профессор! Дорогой профессор!!.. Вот чековая книжка. Она вся в вашем распоряжении! Не скупитесь! В запасе еще есть одна. Но я надеюсь, что мне будет позволено сопровождать в качестве скромного сотрудника экспедиции к далеким берегам Африки.

— Доктор! Дорогой доктор!!!. Я рад буду внести в список членов моей научной экспедиции фамилию Абштруккер...

И долгим поцелуем растроганный Пряник скрепил дружбу со сморкающимся от волнения в цветной платок доктором Абштруккером (для нас: глава английского Бюро Частного сыска Паркер Штрук — пройдоха и хитрец Паркер Штрук!).

ПРЯНИК ВЕСЬМА ДЕЛИКАТЕН, В ОБЩЕМ...

— Фрейлен Орловская, — торжественно начал Пряник, поправляя роговые очки, — я искренне привязался к вам за короткий промежуток времени вашего пребывания у меня на службе. Может быть, тут замешаны чувства старика, которому вы годитесь в дочери, но... Я должен наш контракт расторгнуть. Через несколько дней мы отправляемся в экспедицию в Африку; путешествие трудное, связанное с риском смертельных опасностей, и я не считаю себя вправе брать туда девушку.

— Нет, господин профессор, я поеду туда с вами! Мне стало дорого ваше изобретение; я с волнением следила за всеми опытами и теперь, теперь, когда наступает самое главное, от чего зависит ваша слава, вы меня хотите оставить здесь. Нет, господин профессор, что бы там ни было — я еду с вами!

— О, я чувствовал, что фрейлен Орловская не изменит нам, — восторженно прокричал Оскар.

— Я рад, что вы едете с нами, — приятно улыбнулся Пряник.

— Несколько вопросов, господин профессор, касающихся экспедиции...

— Пожалуйста, фрейлен Орловская!..

— Вы умеете обращаться с оружием, дорогой профессор?

— Что вы, что вы... Я больше насчет пробирок... Хи-хи... Вот Оскар — он лейтенант, и доктор Абштруккер...

— Нет, нет, господин профессор, — брезгливо отмахнулся Штрук, — я председатель лиги «Всеобщего мира», враг всякого кровопролития... Если бы не наука, то... нет! Я обращаться с оружием не умею!

— Значит, мы имеем только две боеспособные единицы: Оскара и Навуходоносора? Это для Африки, по моему,

мало, дорогой профессор; не забывайте, что нам придется все время находиться среди туземцев; а матросы должны будут охранять яхту...

— Да, да... Фрейлен Орловская права... — засуетился Пряник, — пока «везувиан» не проверен, мы еще принуждены охранять себя.

— Я знаю человека, который заменит десяток телохранителей... Это... бывший подчиненный моего отца, солдат знаменитой «Волчьей Сотни» — Шкуро... Необычайной храбрости, честен! Что ж еще?..

— Хорошо. Оскар, запишите в общий список...

— Семен Фокин...

— Семен... Фокин... Готово! — исполнительно уронил Оскар.

— Ну, теперь все в порядке, — улыбнулась Елена.

ДАЕШЬ ПРЯНИКА!

Генерал, выйдя из кабинета премьера Кассарика, задумался...

— Чорт побрал! Как добыть такую страшную штуку? Кто же из людей согласится?! Столько опасностей...

Но дома из потайного шкафчика список верных людей достав, долго обдумывал и взвешивал...

— Решил! Иосиф Червяка... Да-да,

ИОСИФ ЧЕРВЯКА!..

Холодный ум и решительность...

Позвонил...

————

— Вы готовы?

— Да, я готов, генерал, — склонил голову Червяка. — Хоть сию минуту...

— Хорошо. Вот деньги и документы шести национальностей. Действуйте!

— Я сегодня же выеду в Гамбург. Пряник, кажется там. Сообщают о его морском путешествии...

МОЗОЛИСТЫЕ РУКИ

В Гамбурге Червяка превратился в матроса-англичанина Симеона и пошел наниматься в порт. Вербовщик выкидал предложения... — Яхта «Мария» — рейс до Ревеля! 16 человек! Бриг «Св. Марк» — Рио-де-Жанейро — 2 человека! Шхуна «Голубой сон» — Марсель — 8 человек! Яхта «Альбатрос» — центральная Африка — неопределенное время — 7 человек!

— Ага, вот что нужно Иосифу Червяка!

В конторе «доктор Абштруккер» колючим взглядом исследует всех претендентов на должность матроса.

— Покажите руки (главным образом руки), — требует он.

«Покажите руки!»

И когда Червяка огромные кулачищи вперед выставил, Штрук без всякого беспокойства члена тайного сокольского сыска матросом на корабль опрометчиво принял.

— Мистер Пинкертон... Там смотрят на кулаки, вам нельзя. У вас такие чистые руки!.. Какой же вы матрос? — лепечет Зулумба. — Нельзя, нельзя!..

— Молчи, дубина, — цыкает Пинкертон и гневно грызет ногти... — Надо попасть на яхту Пряника. Но как? Как? Голова Пинкертона трещит от напряжения словить из навара различных мыслей одну удобную, исполнимую, которая приведет его на палубу «Альбатроса»... Но как... Но как...

— А! Зулумба!..

— Есть, масса Пинкертон!..

— Слушай, слушай внимательно!.. Пригласи вон того парня, который сейчас нанялся на «Альбатрос», — в таверну. Там наполни все его тело водкой, но сам... Зулумба, запомни, сам оставайся трезв, как... как... а не то!! Дальше — тащи парня на улицу. Запомнил?

— Да, масса Пинкертон.

— Ну, действуй!

На плечо ухмыляющегося Червяка тяжело опустилась огромная ладонь, Зулумбы...

— Товарищ! Ты — служил «Альбатрос», я служил «Альбатрос»! Оба — служил!.. Навуходоносor богат, Навуходоносor имеет кучу долларов... Навуходоносor угощает тебя столько, сколько уместится в твоём белом теле!

Червяка доволен удачным началом секретного поручения, и мысль иметь на яхте союзника силача-негра заставила погрузить руку в необъятность Зулумбовой ладони.

— Ну, черный Геркулес, веди меня в трактир!.. Но я боюсь, что долларов не хватит в твоём кармане на покупку водки для моего тела! Ха-ха-ха!..

— Ты служил «Альбатрос», я служил «Альбатрос»...

Иосиф Червяка.

Только после третьей бутылки Червяка полез целовать сальные губы негра, крича на весь трактир:

— Черный брат мой!.. Твоя доброта... твоя!.. Я, Симеон... старый... морской волк!.. Люблю твою черную рожу... Слышишь?!

— Пей, Симеон, еще!.. Ты обижаешь Навуходоносора!.. Навуходоносор обещал купить столько водки, сколько войдет в твоё белое тело... А ты не пьешь! Не хорошо!!

— Пью, Наву...ву... пью!... Да-а-а-вай еще!.. Три!.. Четыре!... Десять! Все выпью! Все! Я... Симеон... Старый морской... Черный волк мой!!

Пинкертон не обращал внимания на сырой, тяжелый туман, прилипающий к телу; он мерял выбитый асфальт перед освещенными окнами кабака... Если Зулумба исполнит в точности приказ, то завтра утром Шерлок-Пинкертон будет на палубе «Альбатроса», и тогда изобретение Пряника не уйдет от него... О, банкирский дом «Морган и К⁰» не пожалеет, что дело поручено Шерлок-Пинкертону!.. Но... внимание!..

Дверь, всхлипнув надрывно, раскрылась... На улицу вывалился Зулумба, таща обмякшего Червяку...

— Черный брат!.. Черный... морской... брат..

В конце переулочка, следовавший сзади Пинкертон, обшарив пальто и блузу пьяного, вытащил бумажник и нахлобучил на пьяного Червяку мешок. Толстая веревка жадно оплела тело...

— Тащи, Зулумба, к докам!.. Там всунь куда-нибудь... Когда парнишка выберется из мешка, мы будем далеко!! И так — Шерлок-Пинкертон под видом матроса Симеона поплавает в приятном обществе настоящего профессора Пряника... Тащи, Зулумба, в док!.. Тащи!..

С ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

Яхта «Альбатрос».

Число 2 ноября 1924 года. 9 ½ часов утра.

В виду Канарских островов.

а) Пряник спит...

б) Оскар пьет сельтерскую: у него проходит морская болезнь.

в) Елена варит кофе и жарит гренки.

г) Доктор Абштруккер, — т.-е. Паркер Штрук, — у себя в каюте, отклеив седую бороду, сбривает выросшую под ней собственную растительность.

д) Навуходоносор — Зулумба — чистит для профессора штилеты; окончив эту операцию, пробует вычистить кремом свои ручки.

е) Фокин в радио-каюте развлекается перехватыванием депеш для того, чтобы за завтраком сообщить новости дня.

ж) Матрос Симеон — сыщик Шерлок-Пинкерстон — кончает свой завтрак и готовится завалиться спать после ночной вахты...

То, что делалось вообще на белом свете в этот момент, можно установить по случайно сохранившимся газетам...

СЕМЕН! НАВУХОДОНОСОР — НЕ НАВУХОДОНОСОР!

После обеда на яхте все погружалось в приятный сон...

Казалось, даже рулевой клевал носом на капитанском мостике.

В это тишайшее время Елена могла говорить с Фокиным... Вот и сейчас, Елена гладит смуглую руку Семена и нежно заглядывает в широкие глаза, еще более голубые от опрокинутой сверху звонкой синевы...

**«Семен! Навуход-
носор—не Наву-
ходоносор!»**

— Вот, пока, Сеня, все идет хорошо... Профессор мне доверяет больше и больше; ты тоже на хорошем счету у Пряника!... И я уверена, что на обратном пути, нам удастся за-

хватить «Вулкан» Пряника и удрать в какой-нибудь порт... А оттуда...

— Да!.. Да... Мне надоело ходить затянутым в тесный смокинг, слушать идиотские рассуждения Оскара о политике и всякую чушь о большевиках. От такой жизни можно забыть, как нужно себя вести на заседании парткома... Встанешь, расшаркаешься ножкой и залепечешь: —«Дорогие господа- товарищи, самое лучшее для хорошего пищеварения —пить перед обедом теплое красное вино» Ха-ха-ха!..

Из матросского кубрика вылез Зулумба и, почесывая лениво кучерявый затылок, перевальчатой походкой направился к каюте профессора...

— Знаешь, Семен! Ты будешь надо мной смеяться, но... Но это не Навуходоносор!.. Да, да!.. Это не Навуходоносор!.. Тот ходил совсем иначе и как-то смешно отбрасывал длинные ноги... А этот... выше ростом... у него злое лицо... И... не Навуходоносор!.. Это другой негр!..

**СЕМЕН! АБШТРУККЕР —
НЕ АБШТРУККЕР!!**

В тот же день вечером Фокин сидел в своей каюте, на-поминающей одиночную камеру, и просматривал радиотелеграммы, перехваченные «Альбатросом». Вбежала взволнованная Елена...

— Семен!

— Ну, что случилось?!

— Помнишь, когда мы сидели на палубе и мимо прошел Навуходоносор, я...

— Изволила сказать: «Семен!..» Навуходоносор — не Навуходоносор...

— Да... А теперь я заметила еще более странную штуку...

— Ха-ха-ха!.. Что Пряник — не Пряник?..

— Смейся! Я прохожу по коридору... Матрос подметает пол... Вдруг из каюты, занимаемой Абштруккером, высывается сам доктор и кричит: — Любезный, отнеси помыть мой бритвенный прибор...» Матрос берет прибор и проходит мимо меня и тут я ясно вижу, что вся мыльная пена утыкана черными волосками... Черными волосками, когда у доктора — седая борода и усы!... А? Семен? Это значит, что у доктора под седой бородой растет другая борода... Подпольная черная борода...

— И значит?!..

— Абштруккер — не Абштруккер!.. Слышишь, Семен? Абшттруккер — не Абштруккер!!.

ШТРУК ВСЕ-ТАКИ ХОРОШИЙ СЫЩИК...

«Доктор фон-Абштруккер» в плетеном кресле на палубе «Альбатроса», потягивая маленькими глотками душистый «Амер-Пикот», любовался вздрагивающим закатом. Вдали — тонкой полоской голубел Африканский берег...

Итак, на завтра назначена первая экспедиция.. Хорошо. Интересно будет «проверить» изобретение Пряника!.. Каково-то работает «везувиан»... Как это он превратит в дождь брызг толпу дикарей... Что такое черное мясо? Пфе!.. Мясом и то называть противно!.. Самый дешевый материал для опытов!.. Итак, до завтра... Черное мясо!.. Черные!!.. Этот негр профессора удивительно странная бесития... Прикидывается дурачком, или такой на самом деле — кто знает? (Штрук припоминает...) Нет, не он... Негр, который брал у него визитную карточку на приеме в гостинице «Селект», был немножко худее.. Как будто! Тьфу!.. Не разберешь черномазых! Нет, не запомнишь эти рожи!.. Ну, где он встречал Навуходносора?.. А-э-а!. Ага!!.

(Хорошие туманы, полученные в плену у Пинкертона, не совсем замутили воспоминания о том вечере, когда...)

Ага!!.

Теперь он вспоминает, что за молодчик этот Навуходносор!..

Однако, Пинкертон и пройдоха! Ему не зря платят гонорар долларами... Но... счета остаются счетами!.. Штрук задумывается — как быть?

Зулумба прислуживает Штруку; ах, если бы вы знали, как тяжело видеть полную бутылку вина и не сметь пригубить стаканчика!.. Зулумба сокрушенно вздыхает, косясь на желанную посудину...

Здорово! (Штрук доволен). Значит, эта обезьяна любит благословенные ласки алкоголя... Хорошо...

— Навуходоносор! — позвал негра Штрук. — Ты хороший слуга, Навуходоносор!. Ты любишь вино?.. Я тебе дам бутылку вина, две бутылки вина на вечер, и ты мне будешь еще лучше служить... Верно, Навуходоносор ?

Негр скалит зубы и закатывает глаза, предвкушая изумительную выпивку...

Ночь. Зулумба в своей каюте, обняв пустую бутылку, сидит на койке, поджав под себя ноги, и бормочет заунывную песню...

Штрук прислушался и толкнул дверь. Негр замолчал, но, узнав «доктора» улыбнулся...

— Масса дает вино, добрый масса. Хороший вино. Ах, как Зулумба любит вино...

«Навуходоносор» проговорился!!! Да, этого и надо было ожидать; Штрук смекнул, что негр не Навуходоносор... Сыщик решил действовать нахрапом.

— Зулумба! Масса Пинкертон ушиб ногу... Масса Пинкертон просит достать ему чистое белье! Иди скорее, чтобы никто и не узнал, что я заходил к тебе!..

Хмель не позволяет Зулумбе думать... Раз на корабле знают, что масса Пинкертон здесь и у него даже приятель добрый белый, дающий бедному Зулумбе так много вина, такого прекрасного вина!.. И не его, черного глупого негра, дело рассуждать... Зулумба выучился ничему не удивляться... Белые все такие — страшные и непонятные...

И, покорно держась за обшивку, нетвердыми шагами побрел к пустой каюте Пинкертона, стоявшего на вахте...

Порывшись недолго в матросском сундучке, Штрук сразу нашел в нем совершенно не матросские вещи... Так...
— Зулумба, иди спать!

..Доказательство—чековая
книжка..

Так! Значит, у него и Пинкертона общая цель!. Это он знал раньше... Но Пинкертон действует от банка «Морган и К⁰», — доказательство — чековая книжка... Ха-ха!!.. Штрук с удовольствием помещает находку в боковой карман... Как хорошо иметь восемь чековых книжек!

И в предутреннем тумане возвращающегося с вахты Пинкертона моментально узнал и приятно вздрогнул от сознания случайно избегнутой опасности.

СТРЕЛЬБА ДУПЛЕТОМ

Итак, мистер Шерлок-Пинкертон влип...

Нехорошо первоклассному сыщику полагаться на какого-то пьянчугу-негра!.. Но теперь поздно рассуждать, раз уж Пинкертон не заметил содеянной ошибки и попал в гибельную историю...

Зулумба спит в своей каюте — Штрук хорошим снотворным сдобрил и без того убедительный алкоголь.

План Штрука прост... без всяких тонкостей... Пока Пинкертон отдыхает от вахты, почтенный «доктор» возит-ся на корме... Штрук крепит какую-то веревку и подвешивает тяжелый блок... Опускает... Значит, вот сюда упадет блок, когда будет обрезана веревка...

— Капитан, назначьте матроса Симеона дежурить на корму... Он мне под утро понадобится, мы поедем на рыбалку... — отдает приказание «доктор Абштруккер» (он может распоряжаться на яхте «Альбатроса»...)

— Слушаю, господин доктор!

В девять часов, когда тьма проглотила далекий берег, матрос Симеон (он же мистер Шерлок-Пинкертон, преданная ищейка банка «Джон Пьерпонт Морган и К^о») покорно стал на вахту на корме «Альбатроса»...

Штрук в войлочных туфлях прокрался по палубе... Ага, цыпочка, стоишь? Стой, стой!

— Зулумба, вставай! — Штрук трясет негра за плечо, — идем, мистер Пинкертон хочет поговорить...

Негр мычит и ворочает глазами... Ах! Как болит голова... Но, надо слушаться!..

— На вот тебе!.. Разопьете вместе с ним... — и Штрук сует негру в руки бутылку шампанского...

— Гм! Шампанское?! И улыбка страшная и идиотская озарила черную вывеску Зулумбы... Ах, какой добрый мистер доктор!... Какой добрый...

— Зулумба, стань вот тут и через минуту позови массу Пинкертона, понял?

И после кивка негра Штрук поспешно удаляется к веревке...

— Масса Пинкертон! масса Пинкертон! — шепчет в темноту негр.

Тот мгновенно выскакивает из темноты и зажимает ему рот...

— Тише ты, болван!.. Что тебе надо?!

— Добрый доктор дал вина... — и Зулумба горделиво показывает толстую шампанскую бутылку.

А «добрый доктор»... острым ножом разрезает веревку... слышен легкий свист и тяжелый блок, испортив немного прическу и яичницей мозгов обдав Зулумбину физиономию, навсегда прекращает хлопотливую работу мистера Пинкертона...

— А-аа! — прорезало ночной воздух, и тело грузно громыгнуло на палубу... Мгновенно засвистала дудка боцмана, показались фонари и топот босых ног...

— Сюда, сюда, — кричит Штрук, а сам торопливо смертоносный блок и веревку швыряет за борт...

Круг фонарей осветил следующую картину:

«Матрос Симеон» с разбитой головой ничком лежит на палубе, а над ним слуга профессора, серый от страха, стоит дрожащий сжимая шампанскую бутылку...

— Я слышал... — лепечет Штрук, — они говорили и спорили!.. Потом... «крэк»!! Да все ясно!..

И когда дюжие матросские руки схватили Зулумбу, ужас вышиб остатки хмеля у негра из головы и, завопив от Очаянно, он отшвырнул от себя матросов, к борту кинулся

и через пару секунд уже размашисто плыл к родному берегу...

«А-а-а!!»

— Держите его!! — завизжал боцман.. — Надо повесить этого черного негодяя!.. Правосудие должно свершиться!!.

— Не беспокойся, дружок, — остановил его капитан. — Тут достаточно акул для правосудия! Подожди немного...

И скоро отчаянный вой с темнеющей глади океана объявил о свершении «правосудия»...

— Как жаль, господин доктор, что вам не придется ехать на рыбалку, — участливо сказал Штруку капитан. — Ах, как жаль!!.

И на утро тело мистера Пинкертона с подвязанным мешком угля скакнуло в зеленую глубину, а боцман пробормотал молитвы и вычеркнул из корабельных списков матроса Симеона...

Мистер Докс (секретарь банка «Морган и К°») напрасно ждал депеши № 189 от аккуратного Пинкертона...

Я НИЧЕГО НЕ ПОНИМАЮ...

Когда стерли кровь, и жизнь Пряниковской экспедиции потекла прежним руслом, Фокин зашел к Елене и выдохнул, опускаясь в плетеное кресло:

— Я ничего не понимаю! Убийство Симеона... Побег Навуходоносора... Ясно: на яхте есть человек, тоже интересующийся изобретением Пряника, но кто?

— Доктор Абштруккер!

— Доктор?..

— Подумай: для чего доктору тратить столько денег на организацию экспедиции, самому ехать в продолжительное путешествие, когда все равно слава достанется одному Прянику?.. Ясно, доктор имеет какие-то свои скрытые выгоды от этой экспедиции!.. Но какие?.. Исследование африканского берега? Но для этого нужно более старательно проделывать ученые махинации и меньше торчать в каюте!.. А потом, — я настаиваю, что он такой же доктор, как ты... как ты... грузинский меньшевик!.. Значит, Абштруккер, — будем называть его пока так, — делает свои благотворительные одолжения не профессору, Тадеушу Прянику, а его «вулкану»!!.

— Лена! Ты настоящий Ник-Картер!.. Правильно! Но мы не проморгаем «вулкан». Даешь — слежку за уважаемым доктором!.. Возьмем его на цугундер. Тоже, субчик, метит на «вулкан», но мы его отметим... Раз, и готово!.. Так, Елена! Даешь — «вулкан»!!.

СКОРЕЕ ЗА ОПЫТЫ!..

Вечером, когда солнце прожаренным блином скатывается в океанскую зыбь и синие тени зябко кутают далекий пустынный берег, — профессор и доктор Абштруккер на плетеных креслах, редкими фразами, движением огненных точек — кончиков сигар — дают знать о своем присутствии...

Абсолютнейший покой...

Разве может кто-нибудь помешать разговору двух ученых? Никто!..

Оба знают, что далеко разные навязчивые агенты и крикливые репортеры, что здесь — кусок первобытной жизни, куда еще не вломилась рука беспокойного редактора или широкие уши агента какого-нибудь мин-индела... Штруквдобавок знает: случайная опасность со стороны коварного Пинкертонa устранена... Теперь от блестящего сыщика не осталось ни клочка... — слишком много акул у этого берега...

(Оскар, Елена и Фокин в салон-каюте играют в бридж, — они тоже не мешают разговору великих ученых).

— И когда же?..

— Я думаю, доктор, на той неделе...

— Здесь как будто есть вблизи негритянская деревушка: в подзорную трубу виден дым...

— С завтрашнего дня можно отправляться на разведки...

— Я бы вам посоветовал, профессор, поручить это дело молодежи... Мистер Фокин и Оскар с полдюжиной матросов найдут дорогу...

— Так... Надо все же матросов убедить в том, что у нас экспедиция ботаническая, а то сами знаете...

— Да, да! Конечно! Ведь за эту негритянскую лапшу нам может здорово нагореть...

— В том-то и дело, доктор, что у эксперимента есть такие неприятные стороны...

— Значит, Оскара попросим захватить жестянку для растений и пусть он по дороге рвет какие-нибудь травы... Ха-ха!.. И матросы будут в полном неведении...

— Да, да! Что же касается моих планов, — говорит Штрук, — то после ваших заключительных опытов я что-нибудь предприму...

— Вы очень любезны, доктор!..

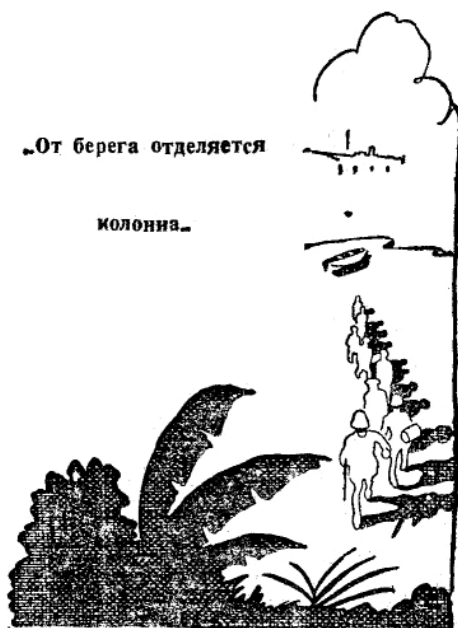
— О, пожалуйста!..

И опять тихий плеск волн о борт, звуки пианино из салона, редкие фразы двух ученых и две огненные сигарные точки, заблудившиеся в чернилах тропической ночи...

НЕ РВИ ЗРЯ ЦВЕТОВ!

Лодка с хрустом врезывается в песок... Четверо матросов выскакивают и волочат ее дальше к берегу...

Десять минут спустя от берега отделяется колонна пассажиров покачивающегося вдали «Альбатроса».

Впереди кряжистый и решительный Фокин; за плечами винчестер, у пояса кинжал, компас и бинокль. Перед ним — неведомый, благоухающий незнакомыми ароматами тропический лес... Сумасшедшее солнце нестерпимо жмет тело каленым обхватом...

Фокин хрустит тяжелыми ботинками по песку и при этом вспоминает, как хрустел колючий наст под ногами,

когда страшный Перекоп был еще впереди и замерзающее плечо резал и гнул карабин... Эх!..

Оскар — весь в белом, с жестяной коробкой для растений и револьвером у пояса, уныло плетется за Семеном. Шестеро матросов составляют их свиту...

Они знают — там, на востоке, замечен легкий дым, — надо выяснить, что за деревня: негритянский поселок или европейская фактория.

Хруст песка и жгуты яростных лучей над набухающей в истоме головой...

Четыре часа провели, плутая... Нашли... Действительно... негритянский поселок (близко подходить не решились — слишком людная деревня); в обратный путь — скоро-скоро...

Оскар, помня о своей роли ботаника (еще больше о чудных глазах фрейлен Орловской), наполнял свою жестянку редкостными, невиданными цветами.

И завидел — со ствола отвратительного на вид, мохнатого, колючего дерева свешивалась роскошная гроздь пурпуровых цветов, и Оскар, усталость забыв, в глубь чащи ринулся, услышав в догонку:

— Осторожней!..

— Ай-яй!. А-а-а!.. — немедленно услышал Фокин.

И Оскар палец уколотый о темную корягу замотал в воздухе...

— Вот проклятие-то!..

Капелька черной крови выступила на месте укола, в висках шум поднялся и лоб покрылся испариной...

Оскар высосал кровь и сделал легкую перевязку...

— Вот проклятие-то!... — добавил Фокин, приглашая в то же время поторапливаться.

ЧТО С ВАМИ?!

Несколько дней неприятное недомогание...

Кажется, даже небольшой жар...

Оскар зябко кутается в необъятный плед и редкими глотками пьет кофе.

Положительно голова отказывается исполнять роль фабрики размышлений! Вчера — Оскар забыл номер своей каюты и вломился, не стучась, к фрейлен Орловской! Фу, какой скандал!! Что подумала про него фрейлен?..

Во рту — горечь. Глаза — синей пленкой подернуты...

Дернул же чорт Оскара согласиться пускаться в дебри сырого леса для поисков негритянской деревушки... И надо же было уколоть палец!.. Вдобавок, наверное, простудился..

— Да, да... простудился!.. Просту...

Оскару вообще становится веселей... Тошнота прошла... Улыбка — блаженная улыбка — вылезла на похудавшее лицо... Оскар поет?! Да, но трудно разобрать слова... Их нет!.. Оскар поет песенку без слов!? Оскар не поет, а мычит!

Оскару определенно хорошо!!!

Пряник волнуется... Два часа, а Оскара нет?! Первый раз за десять лет Оскар забыл, что в два часа начинается завтрак!! Это — нарушение распорядка нашей жизни!! Ганс, подите, пожалуйста, в каюту господина Менау и скажите, что все сидят за столом и ждут его... Понимаете — ждут его!!! Первый раз за десять лет!!!

— Оскар жаловался на легкое недомогание...

— Ах, я так жалею, что попросил господина Менау отправиться на разведку! Он наверное схватил лихорадку...

— Нет... Сегодня утром я работал с Оскаром в лаборатории и не заметил никаких еле...

Трах-та-ра-рах!..

Дверь — настежь... В каюту испуганно влетел Ганс, нелепо размахивая руками; за ним, распевая воинственную песню, вбежал Оскар — голый Оскар!..

..Вбежал голый Оскар...

Пряник комком в угол.

Супник на пол.

— Оскар, что с вами? Вы забыли, что за столом сидит фрейлен Орловская! Почему вы не одеты?!. Оска-а-р!

— М-м-м-ы! Н-н-н!.. Ой-ля! — кричал улыбающийся Оскар, хлопая себя по бедрам...

— Матросов! Хватайте его, он болен!..

- Держите!.
- Так!.. Так!..
- Осторожно!
- Несите в кагату!..
- Заприте двери!..

— Первый раз за десять лет Оскар голый пришел завтракать! Первый раз! — растерянно шептал Пряник, следя, как матросы бережно уносили Оскара — блаженно улыбающегося и продолжавшего мычать несложный мотив.

Б. ЛИПАТОВ, И. КЕЛЛЕР.

В УКАН В КАРМАНЕ

В УКАН В КАРМАНЕ 5
1925

Б. ЛИПатов
И. Келлер

Выпуск

**Вулкан
в кармане!**

**В
КАРМАНЕ**

5-ый

Иллюстратор
А. Зубов

**Издательство
УралнигА
Свердловск
1925**

ГОЛЫМ К ЗАВТРАКУ!

Пряник огорчен.

Неудачи начинают тревожить бедного профессора...

Вначале все было хорошо. Абштруккер дал чековую книжку, яхта «Альбатрос» не хуже берлинского особняка, морская болезнь — чепуха, и вдруг...

Убийство матроса... бегство верного Навуходоносора... Болезнь Оскара — любимого ученика...

Пряник огорчен...

Привык за десять лет работать рядом с Оскаром, объяснять ему теории, возникающие в его — пряниковском — черепе; знать, что Оскар не изменит, не уйдет... И вдруг...

Голым к завтраку!...

Голым!!.

Голый Оскар!!.

Это совсем непонятно для пряниковских мозгов!..

За дверью — взволнованный шопот...

— Кто там?

— Я, господин профессор!..

— Войдите, капитан...

— Новое несчастье! Оскар удрал из каюты через иллюминатор...

— Голый?

— Да... профессор!.. голый!..

— Голым в лес?!. Первый раз за десять лет, капитан!.. Первый раз!!.

О ЖИЗНИ, КОТОРАЯ НУЖНА НАУКЕ...

— Я так и думал! Негритянская деревушка, в которой около трехсот жителей... Это для начала прекрасно!.. Значит, на завтра назначим первый опыт.. Вы будете смеяться, доктор, но я... я волнуюсь так же, как на выпускном экзамене в университете!.. Ведь от какой-нибудь незначительной ошибки, упущения, может пойти на смарку многолетняя, кропотливая работа... Ах, дорогой Абштруккер, я волнуюсь, волнуюсь, как школьник... Завтра испытание «вулкана»...

— Профессор! Я уверен, что вы с капитанского мостика будете следить за ходом опыта...

— С капитанского мостика?!. Почему с капитанского мостика?

— Профессор! Малейшая неосторожность и — происходит взрыв, сметающий все!.. И как можете вы рисковать своею жизнью?.. Своей жизнью, дорогой профессор! Нет! Тысячу раз нет! Я никогда не допущу возможности погибнуть вам в тот день, когда слава становится подругой вашей жизни... Я, я отправлюсь с «вулканом»!.. А вы, как главнокомандующий, как вождь, будете с вышки капитанского мостика наблюдать действие «вулкана»...

— Мм!.. Вы меня убедили, дорогой доктор. Вот в этой пробирке «вулкан»; я передаю ее вам — как знак моего доверия, как знак моей, глубокой любви к вам, дорогой Абштруккер! Осторожность! Великая осторожность! Мое волнение теперь усилится, когда меня станет мучить угрызение совести, что я послал своего лучшего друга, может быть, на верную смерть. Великая осторожность, доктор. В этой пробирке «вулкан»! Осторожно, дорогой Абштруккер!!.

— Дорогой профессор!..

— Дорогой доктор!..

И БЕЗУМИЕ В СВОЕМ РОДЕ ЦЕННОСТЬ

Остроконечные хижины Бугаи-Бугаи (так звали свой поселок негры, облюбованные Пряником для своих «опытов») тонут в расплавленном потоке лучей...

Полдень...

Все дремлет. Почти не слышно крика беспокойных грязных ребят, женщины заняты несложными работами в хижинах, а храбрые воины, заслонив курчавые головы широкими листьями, громко храпят на земле, подставив блестящие от жира животы жадному солнцу...

Старый

КУГУМИ — ЖРЕЦ ПЛЕМЕНИ

в своей «роскошной» хижине занимается составлением мудреных негритянских лекарств... Кугуми необыкновенно мудр: или он очень стар, или он очень мудр — трудно установить; во всяком случае от племени ему — почет и уважение...

Ничто не тревожит старика за его работой... Тростниковой лопаточкой помешивает Кугуми какое-то варево...

И вдруг...

Отчаянный визг и шум донесся с края селения...

Кугуми вздрогнул, любопытство и страх одновременно залезли в старческое сердце.

— Что там такое? — задумался старый негр. — Уж не напали ли на селение львы?!

О, нет! Привычным ухом Кугуми быстро разобрался в море шумов. Крики никоим образом не обозначали опасности...

Дюжий воин, откинув полог палатки, раболепно кинулся к ногам жреца...

— Говори! — приказал Кугуми.

— Там... Белый человек!.. Голый!.. Страшный!.. — лепечет чернокожий.

Кугуми важно направился к выходу.

На открытом месте посреди селения, крепко связанный и окруженный толпой дикарей, сидя на земле и что-то истощно мыча, находился Оскар-Амадей-фон-Менау!..

Жрец медленно приблизился к несчастному...

Опытным глазом окинув безумца, старый Кугуми понял, что Оскар — жертва колючек священного растения «тили-тили», и поэтому должен быть почитаем, как святой...

И Оскар был торжественно водворен в строении, бывшем храмом жителей Бугаи-Бугаи, и там, среди мрачных идолов, заывая и мыча, исполнял необременительные обязанности святого и оракула...

А в деревне до поздней ночи шло веселье...

Жгли костры, орали песни, упивались всласть тростниковой водкой, по случаю приобретения такого замечательного фетиша, как белый человек, ужаленный священной «тили-тили»!..

ДРАЛА!

Штрук на плоском камне карту географическую внимательно изучает...

Так! Если пойти вот этим путем — выйдет 110 километров... Не так много — три-четыре дня... Здорово!..

Штрук осматривает свой багаж... Прежде всего патрон с «везувианом» — самое главное!.. Штрук распарывает пояс у брюк, прячет патрон и тщательно зашивает... Хорошо! Фляга, консервы и браунинг... Вода будет по дороге... И так — в путь!

Карту сложил и — за пазуху...

Будьте здоровы, профессор Пряник!..

— Будьте здоровы, господин профессор Пряник!.. Восемь чековых книжек!.. А там! Кто даст больше... Ну-ка, правительства, поторгуйтесь!!.. И ухмыляясь довольно, в заросли

поспешно юркнул, держа путь на далекую французскую факторию...

Четыре черных фигуры неслышно крались за беззаботно шагавшим сыщиком... Как хорошо итти этим чудным лесом, сбросив докучливую бороду и очки... Сколько было беспокойств!.. Еще бы — Шерлок-Пинкертон! Ловко ему отомстил Паркер-Штрук...

Как приятно свистнул блок...

Крак!..

К р а к!

Крак!

И ударом дубинки дюжий негр валит на землю Штрука.

Штрук очнулся...

Открытое место... Неподалеку хижины, откуда несется шум визгливых голосов. Вокруг спят негры, вооруженные и разукрашенные... Готова Штрука трещит от дюжего удара... Штрук пошевелился и застонал... Черный великан подошел и ткнул его в бок... Штрук приподнялся и осмотрел себя... Обобрали, обобрали всего!.. Хорошо, хоть «везувиан» зашит в поясе... Хорошо! А что касается плена, пустяки...

Может быть, придется побыть у них недельку императором!.. О, Штрук ни минуты, ни секунды не был напуган!..

Он знаками попросил пить... Ему дали...

Вдруг по знаку сухого, старого, особенно «нарядного» негра, Штрука подхватили и поволокли в центр деревни... Там поднялся невообразимый гвалт, — женщины и голые ребятишки надрывали свои глотки неистовыми воплями...

Штрука, бесстрашного Штрука, это, разумеется, только забавляло.. Как в книжках!.. Гм! Только зачем же привязывать к столбу?! Па-а-азвольте!! А-а!.. Однако, прикрутили. Что?! Для чего тут таскают хворост??. А-а-а-а-!! А-а-а-а-а!!! Я английский подданный!!!

ГЛАВА ОБРЫВАЮЩАЯСЯ НА ИНТЕРЕСНОМ МЕСТЕ

Пряник, буравя животом теплый вечерний воздух, меряет беспокойными шагами палубу...

— Боцман! Не видно еще лодку с берега?

— Нет, господин профессор...

— Гм! Куда же девался доктор? Наверное лежит, укушенный змеей... Ах, боже мой, боже мой!! — вздыхает Пряник.

— Лодка! — немного погода восклицает боцман.

Профессор кидается к борту...

— Не нашли!.. — сокрушенно качает головой капитан.
— Обыскали все заросли!..

— Ах! Ах! — лепечет растерянно ученый. — Ах! Бедный Абштруккер!..

— Вы знаете, фрейлен, — обращается он в каюте к Елене, — а ведь доктора еще не нашли; второй день ищут, и, что неприятнее всего, у него с собою «везувиан»! Малейшая неосторожность или пустяк при его, быть может, несчастном положении, — и он погиб!!.. Позовите герра Фокина!.. Надо принять энергичные меры!..

И когда Фокин, строгий и чеканный, на пороге возник, Пряник к нему кинулся и за руки схватил..

— Ради бога! Ради бога, герр Фокин, отыщите доктора!.. Вдруг пропал!.. Пошел за цветами и — пропал!.. Команда искала в зарослях — не могла найти...

И Семен черев плечи профессора глаза Елены встретил и, узнав, что у пропавшего доктора находится «везувиан», сморщенные ладошки старика потряс и сказал твердо:

— Хорошо, профессор, я найду доктора...

А на утро с автоматическим ружьем, захватив пару молодых и жар поцелуя Елены на губах не развевая, в лодку скакнул и к желтеющему берегу отдал команду грести...

Там сквозь заросли продрались и нашли подъем на скалы, дыбившиеся одиноко в лесу... Оттуда полированная гладь океана глаза резанула, Семен скользнул взглядом по «Альбатросу»...

— Мистер Фокин, на горизонте дым! — тронул его за рукав спутник.

И Фокин трубу зрительную растянул и, в поле зрения стлавшийся дым уловив, взглядом по деревушке негритянской, издали подтащенной трубою, с беспокойством начал ползти...

Семен Фокін.

ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНАЯ ГЛАВА

Штрук бился и барахтался у столба, но крепкие веревки больно врезывались в измученное тело.

Хворост, положенный у ног, страшно беспокоил его... Правда: негры вели себя не очень угрожающе, но все-таки... зачем хворост?..

И Штрук еще раз рванулся что есть мочи, и, под дружный хохот толпы, испустил яростный вопль, поникнув на веревках...

А старый Кугуми уже готовился к пышной церемонии... Давно у племени не было такого подходящего случая... Бедного Оскара (болезнь которого приняла форму тишайшего безумия) несколько притких чернокожих подготавливали к торжеству, а именно: раскрашивали его кожу во всевозможные цвета...

На другой день Штрука (на ночь положенного в шалаш) вновь прикрутили к столбу. Самочувствие у Штрука было препоганое; эти черномазые не иначе — что-нибудь замышляют. Как жаль, что все время связаны руки!.. Штрук бы показал им с дюжину фокусов и пленил бы своих, мучителей...

Но...

Ах, как неприятно быть все время связанным!.. Хорошо, что сегодня нет под ногами хвороста...

Вдруг невдалеке послышалось оглушительное баханье барабанов и вскоре Штрук увидел невозможнейшую процессию, подвигавшуюся к нему.

Ужас охватил сыщика и он сильнее забился на своих веревках...

Впереди важно выступал Кутуми, ведя под руки тщательно раскрашенного Оскара... Безумец покорно шел, гримасничая и блаженно улыбаясь...

Когда шествие приблизилось к столбу, где бился Штрук, последний устался на Оскара, секунду моргал глазами, и дикая радость и надежда овладели им...

Но, увы... Оскар, казалось, не обращал ни на что внимания, а шел и блаженно улыбался...

— Оскар!!.. Господин Менау!!.. — окликнул его пленник.

Эти возгласы почти дошли до сознания несчастного ученика профессора и он явно забеспокоился...

— Оскар!!.. Оскар!!.. Это я — Абштруккер!!! — кричал Штрук, загоревшись надеждой...

Оскар направил на него затуманенный взгляд. Как знать, может он и узнал бы «доктора Абштруккера», но привязанный к столбу человек не представлял ничего знакомого зрительной памяти Оскара... Ведь «доктору Абштруккеру» были свойственны широкая седая борода и синие очки, — и Оскар отвел свой затуманенный взгляд от незнакомого лица Штрука...

Тот продолжал вопить, взывая к угасшему сознанию Оскара...

Кутуми и его «святой» спутник уселись на высоком помосте, рядом с вождем племени.

Церемония началась.

Жрец поднялся со своего места и под баханье барабанов и вопли Штрука рука начал фантастические пляски...

Тем временем Оскару влили в рот хорошую порцию тростниковой водки и он незамедлительно начал мычать песню, и все племя с глубоким вниманием прислушивалось к его выкрикам...

Наконец, бедняк свалился совершенно, изнемогая от пьяного экстаза.

Тогда поднялся Кутуми...

Мгновенная тишина.

— Храбрые воины! Внемлите! Великий жрец сообщит вам, что сказал человек тили-тили! Он требует, чтоб белый, привязанный к столбу, был сожжен в честь демонов леса,

для их умиротворения! Пусть произрастают наши посевы! Пусть не страдают наши стада от нападения зверей! Пусть не корчит наши тела лихорадка! Пусть наши жены не устают родить детей! Пусть храбрость не исчезает из нашей груди! Я кончил!.. Разжигайте костер!!

И куча народа кинулась с пучками хвороста к Штруку...

— А-а-а-а!! — завопил он. — Оска-а-ар!!.. Оска-а- ар!!.. Спаси-и-те!!.. Не мстите мне!.. Да, я не Абштруккер!.. Бойтесь! У меня с собою «везувиан»!!.. Оска-а-р! Ай! Ведь нас убьет... Господин Менау!! Очнитесь!. Пустите меня, черти!!.. Говорят вам, пустите!!! Я английский гражданин! А-а-а-а-!!! Оскар! Оскар!!!

А-ау-о-о-у-ы-ы!!!

По вязанкам сучьев и соломы весело побежали первые язычки пламени...

А Оскар, улыбаясь блаженно, раскачиваясь всем телом, тянул какую-то заунывную белиберду...

ГЛАВА ОБЪЯСНЯЮЩАЯ ДВЕ ПРЕДЫДУЩИЕ

И Фокин опять концом трубы дым нащупал и по темной струйке добрался и до ее источника — загорающегося костра... А на костре... Фокин рванулся и мгновенно остановился. К чему? разве он может чем-нибудь помочь этому белому, в котором он узнал, хоть он был и без бороды, «доктора Абштруккера»?.. Нет! И Фокин снова приставил к глазу трубу...

Чернокожие бесновались вокруг костра. Неподалеку, на возвышении, Фокин усмотрел три одинокие фигуры... Что??! Да ведь это Оскар!.. Да, да!! Оскар!.. Но какие у него страшные движения!! О, да!.. Ведь он окончательно безумен... Бедный! Но он, кажется, совершенно свободен и даже как бы в почете, раз так разукрашен...

Но человек на костре больше интересовал Фокина... А-а! Вот загорелись его панталоны... Он, как он корчится!.. Что?!?

Радужный сноп резанул глаза Фокина... Несколько мгновений Семен моргал глазами и когда вновь взглянул в сторону деревни, то увидел совершенно чистое место...

— Нет, это был мираж!.. — решил было Семен, но глухой гул, донесшийся, наконец, до него, убедил его в том, что «везувиан» Пряника прекрасно работает.

ВОСЕМЬ ЧЕКОВЫХ КНИЖЕК...

Фокин в раздумьи спустился с холма.

Так...

Что ж, какие теперь шаги предпринять? Есть ли у Пряника еще вещество? Хотя не надо, пожалуй... Важно, чтоб были записки, а в действии он убедился надлежащим образом...

— Ничего, просто дым из негритянской хижины! — сообщил он спутникам.

Для приличия Фокин шарил со своим отрядом по зарослям, изображая поиски Абштруккера, почти до вечера...

Идя впереди своих людей, он вдруг остановился...

Примятая трава... Следы борьбы... Ага!.. Тоненькая, узкая книжка... Чековая книжка... «Лионский кредит»... в карман!.. Другая!.. «Банк Морган и К^о»!.. Третья!.. Четвертая!.. Целое Эльдorado чековых книжек... Шесть!! Восемь!!! чековых книжек!!!

И поспешно рассовав по карманам свои находки, брошенные неграми при поимке Штрука за ненадобностью, поспешил на призывы своих спутников, аукавших вдали...

Только с заходом солнца лодка подплыла к «Альбатросу» и Фокин молча изумленному Прянику протянул фальшивую бороду Абштруккера, найденную им в последний момент на берегу...

ОБ ОБМОРОКЕ КСТАТИ

Пряник несколько секунд смотрел на бороду «Абштруккера» и, пронзенный внезапной догадкой, что его обманули и обокрали, — снопом покатился на пол...

Фокин в момент сгреб бесчувственного профессора в охапку и потащил его в каюту.

Елена последовала за ним...

— Воды! — крикнул он и полдюжины матросов кинулись исполнять приказание.

Он уложил Пряника на койку... Старикан почти поспел...

Елена с чисто женским автоматизмом рылась в аптечке, ища валерианку.

— Елена, стоп! — по-русски заговорил Семен. — Надо его подольше продержать в таком роде!!. Иначе мы пропустим замечательный случай!!.

Девушка только кивнула головой и продолжала звенеть пузырьками...

Принесли воду. Фокин знаком отослал лишних людей прочь.

— Елена, скорей! Он зашевелился!! — и в ту же минуту в руке Семена оказалась крошечная облатка морфия...

— Даешь вулкан! — радостно воскликнул Фокин, всовывая Прянику облатку в полураскрытый рот.

— Проглотил! Ну, а теперь потчуй его валерьянкой... — и Фокин вышел из каюты.

Через несколько минут Пряник открыл глаза...

— Боже мой! Какой ужас! — сразу залепетал он — Абштруккер!.. Доктор Абштруккер — фальсификат!.. И убежал с моим изобретением!.. Вот негодяй!.. Фрейлен Орловская, не украл ли он моих бумаг?! Вот будет ужас-то!.. Дайте мне вот ту шкатулку.. Вон ту!.. Я... сейчас... посмотрю... Сам... посмо... Хр-р-!...

— Хрр!..хр!..—Пряник спал.

— Круто же его взял морфий, — промолвил Семен, входя снова.

— Ура, Сема!.. — обнимая его, воскликнула девушка, — давай-ка пошарим в этой шкатулочке... — и она открыла ящик с рукописями профессора...

ГЛАВА, В КОТОРОЙ НЕХВАТАЕТ ЛУНЫ

Бедный Пряник!.. Несчастье, как громом, сразило его... Этот проклятый Абштруккер украл и его записки. Но когда негодяй успел проникнуть в его тайны?.. Сколько не перерывала фрейлен Орловская его бумаг, — ничего не оказалось... Здесь, на корабле, он потерял все — «везувиан», его описание и Оскара... О-о!!..

— Домой, скорей домой!!.. Немедленно! Там хоть есть еще записи... Я сумею вновь возродить «везувиан»!!.

И «Альбатрос» отплыл от негостеприимного африканского берега.

Дорогой Семен Елене поведал о замечательном действии пряниковского «вулкана смерти».

— Нам нечего беспокоиться, дорогая! Кроме нас никто не обладает тайной профессора... Этот фальшивый Абштруккер погиб при взрыве!

— Ты уверен, что это был он?

— О, вполне! А то, что действовал «везувиан», взятый им у профессора, подтверждает коричневый сноп лучей; помнишь, как ты мне писала?..

— Да-да — это «везувиан»!

— Ну, вот... Записки Пряника теперь у нас... Я их хорошо запрятал!

— Куда, Семен?

— За подклейки сапог. Их у меня отнимут разве что с ногами!.. Ха-ха!!.

— Милый...

— Ты молодец у меня, Елена? Какая ловкая девушка...

— Это все благодаря бедному Оскару...

— Жаль парнюгу! Его тоже разодрало при взрыве...

— Ужас!

— Да, ужас!.. И вот что готовят нам на западе!.. Только такие вулканы!.. Ты подумай: если против нас, русских, не тех, что по Берлинам и Парижам скитаются, была бы на-

правлена эта подлая штука?!. Теперь у нас самих могучее средство обороны!.. Когда приходится отбиваться от хищников, не приходится разбираться...

— Но как нам, Сема, попасть теперь... домой!

— Домой?!. Ерунда! «Альбатрос» идет теперь в Венецию; Пряник хочет добраться до Праги кратчайшим путем... Я полагаю, мы будем в Венеции через десяток дней, а там и удерем!..

— Но как?.. Что ты, Сема!.. Ни денег, ни документов! А ведь ты коммунист...

— Ха-ха-ха!.. Ты коммуниста принимаешь совсем за цыпленка!. Да документы-то у меня давно припасены: до отъезда еще!.. Вот... Видишь: Карл-Готлиб Кеннг с женой Луизой... жители Потсдама... Ха-ха!..

— С женой... Луизой!..

— Врешь!.. С женой Еленой!!.

— Милый!..

Пауза, в которую соваться не следует.

— А как же деньги?

— Хо-хо!.. Видишь? Хороши караси?!.

И Фокин вывернул перед Еленой восемь чековых книжек, найденных в лесу...

— По ним мы получим не меньше миллиона долларов!

— Куда такие деньги?!.

— А вот что!.. Копия секрета «везувиана» все-таки осталась у Пряника. Надо ему дать понять, что миллион долларов будет его, но он должен забыть, что изобрел «везувиан»... Так ведь?

— Скорее бы доехать, Сема...

— Да-да.. А ты знаешь, .Леля, что такое значит ЗАГС?..

ЧЕРВЯКА НАПАЛ НА СЛЕД

Агент сокольской организации Червяка после неудачной попытки попасть на «Альбатрос», в Гамбурге перед его отплытием, пришел в отчаяние...

Еще бы!.. Генерал, если узнает, сгноит в тюрьме... Ведь он так верил Червяке!!.. О! Червяка еще выкрутится. Денег у него изрядно, он сумеет найти Пряника и уничтожить его!

И Червяка принялся скитаться по всем портовым городам Европы, ища «Альбатрос»...

Через полтора месяца, сидя в Гавре и по обыкновению просматривая морской бюллетень, он прочел следующее сообщение:

— Гибралтар. Яхта «Альбатрос» из Гамбурга прошла пролив. Направление — Венеция...

Слома голову Червяка бросился на вокзал.

— Гип-гип!... — вскричал Червяка, соскакивая с кресла. — Венеция!.. Ура!!.. Теперь ты не уйдешь от меня, профессор Пряник!

И сломя голову Червяка бросился на вокзал...

АПЕЛЬСИННАЯ КОРОЧКА

Наконец, Венеция...

Как известно из любой географии, способ передвижения в этом городе канальский, т.-е. по каналам в лодках... Едва лишь «Альбатрос» бросил якорь на рейде, как его со всех сторон окружили гондолы и звонкоголосые гондольеры с остервенением предлагали свои услуги... Пряник с нетерпением дожидался берега...

— Скорей, скорей домой!.. Мистер Фокин, фрейлен Орловская, задержитесь здесь на день, продайте яхту и выезжайте ко мне в Прагу... Я не могу ждать!.. Я еду сейчас немедленно!.. Эй, лодочник!.. Нет, нет, провожатых не надо!..

И, подхватив саквояж, Пряник робкими шагами спустился по трапу в лихо поданную гондолу.

— На вокзал!..

Гондольер изогнулся над своим багром...

Пряник не знает Венеции, Пряник не знает лабиринта каналов, он не знает, что этот гондольер и не думает везти его на вокзал...

Гондольер — Червяка... Их двое... Все пустынной и пустынной выбирает переулки коварный сокольский агент...

— Вот здесь синьор может пройти к извозчикам, — остановившись у какой-то каменной площадки, говорит Червяка.

Пряник подхватывает саквояж и подымается по ступенькам...

Червяка кошачьим движением бросается сзади на Пряника и ударом кастета раскалывает ученый череп...

Моментально из кармана измызганную апельсиновую корочку прилепил к подошве профессора и, кастет далеко в воду забросив, начал орать на помощь...

Через минуту прибежал полицейский...

— Что случилось?..

Гибель Пряника.

— Вот... сударь... — лепетал Червяка, — несчастье!.. Пассажир, поднимаясь по лестнице, поскользнулся и прошиб голову...

— Ну-ка, займемся им, — опускаясь на колени, сказал полицейский.

Червяка зачерпнул в шайку воды и начал омыwać голову убитого.

— Эх, парнюга, наша помощь ему уж не нужна!.. Давай-ка свезем его в участок!

И гондола заскользила снова по извилинам каналов...

ВУЛКАН В КАРМАНЕ!

— Теперь нас ничто не может задержать, Елена, — сказал Фокин, покончив с похоронами Пряника. — Я все-таки подозреваю тут какую-то странность, но мне вовсе нет времени выяснять: убийство тут или несчастье. В этом есть относительное удобство; такой опасный человек, как Пряник, так или иначе перекочевал в царство теней...

— Ах, Сема, как я устала, как я устала от этих передряг!.. — и Елена опустила голову на широкое плечо Фокина.

— Не кручинься, голубка!.. Скорой отдохнем. Давай-ка лучше превратимся в чету Кениг, пора сматывать удочки из Венеции...

— Давай уедем скорей! Скорей домой! Только...

— Что, Леля?

— Как бы папу...

— О, пустое!.. Я его выцарапаю к нам!..

— Ты обещаешь?

— Ну, конечно, милая!..

И через несколько дней в Берлинском полпредстве Семен устраивал последние свои дела...

— А теперь — в Кенигсберг, Леля! Сегодня, сейчас!! — объявил он своей подруге.

И когда Юнкере, мягко дрогнув, от земли отодрался и в серую мглу впился, — в окнах кабинки мелькнули пестрые квадратики улиц уползающего вдаль города. Семен обнял дорожное ему существо, комочком в огромной дохе прильнувшее к нему, и так, прижавшись щекой к щеке, в радостном и трепетном молчании, под гул пропеллера, они внимали новому восторженному счету своих сердец, отмечающих томительные секунды...

Неровными шажками проплелись минуты, важно и твердо прозвучали часы, и когда механик, голову в дверцу просунув и на мгновение шлем расстегнув, гаркнул:

— Советская граница!..

Елена порывно охватила улыбающуюся голову Фокина и, осыпая его поцелуями, шептала:

— И я... и я полезна, Сема!.. Я тоже гражданка Новой России!..

И Семен в дорогие глаза заглянув, рукою по карману френча провел и, книжку Пряника нащупав, радость победную во всем своем существе почувал...

— Леля!.. Лелька!!.

Мы теперь дома!.. Дома!!.. Мы победили! Мы — всегда будем побеждать... Вулкан у нас!!.. Вулкан здесь... в кармане!!.

Конец.

Вместо послесловия

ТРОЕ ИЗ «УЛИТЫ»

С фантастики начали свою творческую жизнь трое свердловчан: Иосиф Исакович Келлер (1903-1977), Борис Викторович Липатов (1905-1954) и Вениамин Самойлович Гиршгорн — члены Уральской Литературной ассоциации (УЛИТА). Фантастику они сочиняли «бригадным» методом, вдвоем, а то и втроем, но с непременным участием И. Келлера.

Иосиф Исакович Келлер родился в Одессе, в театральной семье. Мать — артистка хора, отец заведовал театральной труппой. Келлеры нигде не задерживались долго, бесконечно переезжали с места на место: Ростов, Тифлис, Харьков, Вильно, Киев, Нижний Новгород... В 1910 г. Келлеры поселились в Петербурге, работали в труппе Фигнера, в Народном Доме. В 1920 году Келлер-старший сформировал труппу и выступал с ней в Екатеринбурге. Вскоре сюда добрались и остальные члены семьи, включая Иосифа Исаковича. Екатеринбург оказался первым городом, где Келлеры обосновались надолго. Здесь Иосиф в 1920 году закончил школу второй ступени, поступил в медицинский институт и некоторое время в нем проучился, но быстро понял, что медицина — не для него. Работал литсотрудником в «Товарище Терентий», «Уральском рабочем», печататься начал с 1921 года, входил в литературные группы «УЛИТА», затем — «Мартен»...

Впрочем, стихи Келлера были достаточно... беспомощными. Недаром С. Качиони посвятил ему эпиграмму:

Что монета — рознь монете
Знают все давно на свете.
Есть фунт стерлингов, есть геллер,
Бальмонт есть, но есть и Келлер...

Занимался Келлер и в Театральной студии, которой руководил актер К. Степанов-Колосов. В студии сложилась большая группа талантливой артистической молодежи — Гр. Александров, Ив. Пырьев, С. Герасимов, О. Жаков, П. Соболевский...

В 1923 году комедия «Ордер № 505», написанная Келлером и В. Гиршгорном под псевдонимом Завихрайский-Райский, была хорошо встречена публикой. Воодушевленные успехом, И. Келлер и В. Гиршгорн тотчас засели писать фантастико-приключенческую повесть. Память изменила И. Келлеру, когда он в своих воспоминаниях («Репетиции, спектакли, встречи», Пермь, 1977) пишет, что в Екатеринбург и мечтать было нельзя об ее издании. Уже в № 21 журнала «Товарищ Терентий» за 1923 год появились отрывки из повести И. Келлера и В. Гиршгорна «Сергей Градов», по-видимому, так и не завершенной. А в 4-ом и 5-ом номерах журнала «Юный пролетарий Урала» за 1924 год была напечатана повесть "Сорванец Джо". Этой повести, увы, далеко не лучшей у друзей, была уготована наиболее счастливая издательская судьба: она была издана еще дважды, отдельными книжками... Оказавшись в командировке в Ленинграде (нужно было получить в Музыкальной библиотеке нотный материал для Оперного театра), И. Келлер в первый же день направился в Дом книги на Невском и предложил рукопись редактору Ленгосиздата. Тот попросил явиться за ответом через две недели. Командировка кончилась через два дня, и Келлер, увидев на проспекте вывеску издательства «Книга», предложил рукопись и туда. В результате повесть одновременно вышла в двух издательствах: и в ГИЗе, и в «Книге», правда, под разными названиями — «Универсальные лучи» (Л. Книга) и «Сорванец Джо» (Л. ГИЗ). Сюжет повести удивительно не оригинален — все те же «лучи смерти», все тот же шустрый рабочий парнишка, без которого, разумеется, революция в одной из капиталистических стран просто не могла бы произойти...

Вскоре В. Гиршгорн уехал учиться в Ленинград. А к Келлеру пришел снедаемый творческими замыслами Борис

Липатов. Рассказал идею повести «Вулкан в кармане». «Это была яркая импровизация, динамичная, фабульно острая. Через час мы уже увлеченно работали. “Вулкан в кармане” был издан Уралкнигой пятью отдельными выпусками с интригующими названиями: “Семь чековых книжек”, “Плечущий премьер”, “Зулумба, больше внимания”, “Плетутся сети” и “Вулкан в кармане”», — писал И. Келлер в своих воспоминаниях. Каждый из выпусков — тридцатистраничная брошюрка. Подобное хирургическое расчленение произведений было унаследовано от дореволюционных коммерческих времен и было призвано заинтриговать читателя: повествование, как правило, обрывалось на «самом интересном месте»... Книжка вышла немалым по тем временам тиражом в 15000 экземпляров и была снабжена неплохими иллюстрациями А. Зубова. Как и первая повесть, она написана в лихих экспрессионистских тонах, подчас сверхлаконичным, «телеграфным» языком, изобилуя куцыми обрубками фраз и умышленно неправильно построенными предложениями. По сути, обе повести являются пародийными. Пародиен сам сюжет «Вулкана в кармане», чем-то напоминающий усеченный чапековский «Кракатит»... Чешский профессор Тадеуш Пряник, маленький лысый чудаковатый человек, изобретает взрывчатое вещество невероятной разрушительной силы — «вулканит» или «везувиан» (опять аналогия с чапековским «кракатитом»)... Об изобретении проведало эмигрантское эсеровское охвостье, а через них — американский, английский и... парагвайский консулы. Начинается охота за секретом «нового оружия». Заокеанский сыщик Шерлок Пинкертон, его английский коллега Штрук идут на всевозможные уловки — переодевания, подкуп, убийства. Сам Пряник пытается заинтересовать своим изобретением чешское правительство, его ассистент немец Менау норовит продать его подороже правительству германскому. Внимательно следит за этой грызней советский дипломат Фокин... Между тем, Пряник отправляется в Африку испытать «вулканит». Под видом слуги едет с ним в экспедицию негр, помощник американского агента, под маской коллеги-химика — англий-

ский сыщик, секретарем — эмигрантка Орловская, телохранителем — Фокин, матросом — Шерлок Пинкертон. И снова интриги, интриги... Овладев патрончиком с «везувианом», разделившись попутно с конкурентом-американцем, хитроумный Штрук пытается скрыться. Но... патрон взрывается. Штрук гибнет. Та же участь постигает и самого профессора. А его бумаги Орловская передает Фокину. «Вулкан в кармане!» — восклицает он, возвращаясь в СССР.

В 1925 году И. Келлер, вслед за своими друзьями уезжает в Ленинград учиться на режиссерском факультете Института сценического искусства.

И здесь, собравшись, наконец, втроем, соавторы решили продолжить свой фантастико-приключенческий цикл. И вновь идея была Б. Липатова, который еще в 1924 году задумал роман «Роман Владычин». Отрывок из этого романа под названием «17-й — 19-й» был напечатан ранее за его подписью в журнале «Товарищ Терентий» (№ 15 за 1925 г). Друзья сообща разработали план будущего романа, опираясь на «идеи» уэллсовской «Машины времени» и твеновского «Янки при дворе короля Артура». «Мы распределили между собой главы и начали писать», — вспоминал впоследствии И. Келлер. — Работа над книгой принесла нам всем немало пользы. Так как главные события развертывались в первой половине XIX века, пришлось много времени провести в Публичной библиотеке, изучая старые газеты и журналы, архивные материалы и мемуары, вплоть до «записок камер-фурьерского журнала», фиксировавшего каждодневные события в царской семье...

В. Гиршгорн и И. Келлер посещали литературные курсы, которые вел Н. Тихонов. Ознакомившись с творением своих учеников, Тихонов не только похвалил их, но и отослал рукопись в московское издательство «Круг», снабдив своим рекомендательным письмом.

Книга действительно оказалась творческой удачей молодых уральцев. Роман Владычин, герой книги, с помощью машины времени отправляется «переделывать» историю. Оказав Наполеону в битве при Ватерлоо немалые услуги,

он входит в доверие к императору, содействует бурному развитию науки, техники, культуры, организует движение рабочих масс за демократические свободы, пытается создать свободное общество счастливых людей...

Примечательно, что авторы вывели самих себя в первой главе романа, свои «споры о литературе, российской революции, о голодном пайке и усеченной рифме, о терроре, Льве Толстом и даже — математике...».

К сожалению, эта книга оказалась их последним совместным творением. В 1929 году И. Келлер закончил институт и вернулся в Свердловск, связей с которым не прерывал в годы учебы, активно сотрудничая в уральских газетах. Вплоть до 1944 года он работает в Свердловском оперном театре, сначала режиссером-ассистентом у В. А. Лосского, затем режиссером-постановщиком, а с 1933 года — главным режиссером. После войны некоторое время был главным режиссером театров в Ашхабаде и Куйбышеве, но в 1947 году вернулся на Урал и вплоть до 1975 года был главным режиссером Пермского театра оперы и балета. Литературную работу он не бросал — писал многочисленные оперные либретто, инсценировки, изредка — рассказы, киносценарии, пьесы. В 1934 году его приняли в Союз советских писателей. В 1950 году И. Келлеру за участие в создании оперы «Иван Болотников» была присуждена Сталинская (или, как ее теперь называют — Государственная) премия.

Генератором идей в этом трио был, по-видимому, Борис Викторович Липатов. Уроженец Екатеринбурга, несмотря на юный возраст — участник гражданской войны. Увлекался поэзией и... филателией. В Екатеринбурге он тоже занимался в театральной студии К. Степанова-Колосова, где познакомился с И. Келлером.

Уехав с друзьями учиться в Ленинград, он, в отличие от них, института так и не закончил: в 1926 году стал работать консультантом-сценаристом фабрики «Совкино». Им написаны сценарии фильмов «Ордер на жизнь» (1927), «Знойный принц» (1928), «Три солдата» (1931), «Рамазан» (1933), «Королевские матросы» (1934), «Сокровища погиб-

шего корабля» (1935)... Б. Липатов сдружился с Ал. Толстым, в 1933 году они вместе совершили лодочное путешествие по реке Урал.

Уже после распада их маленького авторского коллектива Липатов написал самостоятельно еще один фантастический роман «Блеф» (1928). При этом он очень удачно, вкупе с А. Н. Толстым, автором предисловия, разыграл читающую публику, выдав себя за иностранца — некоего Риса Уилки Ли (впрочем, весьма прозрачный псевдоним — Бо(РИС ЛИ)патов). Он и героев себе подобрал «под статью» — они мистифицируют Америку, инсценировав «визит марсиан». Для этого они разыграли непризнанного «технического гения», по проекту которого сооружают небывалый воздушный корабль, приземляющийся в Америке. Сенсация быстро обрастает деловыми людьми, акционерными обществами, рекламой и прочей шелухой. Когда дурачить публику становится все труднее и труднее, герои отправляются в Европу, пожертвовав «заработанные» деньги французским рабочим. Любопытно, что книга Липатова была родоначальницей длинного ряда подобных же сочинений об «инсценировках» космических контактов (вспомним хотя бы повесть киевлянина А. Бобровникова «История о бедных марсианах»). В конце 30-х годов Б. Липатов был репрессирован, надолго исчез с литературного горизонта. Только в 1943 году в Красноярске, где он, вероятно, был на поселении, вышла книжечка его стихов «Предки».

И только один из соавторов неприметно исчез из виду сразу после выхода «Романа Владычина». Вениамин Самойлович Гиршгорн раньше других своих соавторов стал публиковать стихи в уральских газетах и журналах под псевдонимом В. Горн. Состоял членом литературного объединения УЛИТА. Один из критиков (В. Шанявец) писал: «...любовная лирика В. Гиршгорна изящна... но разве эта чаша... еще не выпита до дна прежними поэтами?» Возможно, в дальнейшем он жил в Москве, во всяком случае в моей библиотеке есть книга (Мак-Орлан П. — «Фабрика крови») с автографом В. Гиршгорна, датированная 1932 годом, попавшаяся мне от московских букинистов...

Повесть «Вулкан в кармане» публикуется по первоизданию (Свердловск: Уралкнига, 1925, Вып. 1-5) с сохранением авторской орфографии и пунктуации. В тексте исправлены некоторые очевидные опечатки. Издательство сердечно благодарит А. Лапудева за предоставленные сканы издания.

Статья Х. Алымова (И. Г. Халымбаджи) была впервые опубликована в екатеринбургской газ. «На смену!» (1992. 4 сент. № 168 (14307)). Текст взят с сайта www.fandom.ru.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.